

Елена Середрякова

КАМЕНЬ ВЛАСТИ

Москва 2021

Елена Серебрякова

Камень власти

«Издательство «Перо»

2021

УДК 181.161.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серебрякова Е. А.

Камень власти / Е. А. Серебрякова — «Издательство «Перо»,
2021

ISBN 978-5-00189-652-4

Задание Посольского приказа и купеческие дела сводят Матвея Прозорова и Фому Ухвата в приволжском городе накануне событий Смутного времени. Случай открывает друзьям неизведанную землю, обжитую беженцами со времени объединения удельных княжеств. С началом польской интервенции каждый ищет и находит свое место в борьбе за освобождение Родины. Чувство патриотизма и стремление отомстить приводит в команду Матвея и Фомы дочь убитого дьяка Разбойного приказа Глафиру Ковалеву. Хитрость, смекалка и храбрость позволили героям обмануть польского короля Сигизмунда, мечтавшего заполучить власть над Московским царством и покорить русский народ.

УДК 181.161.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00189-652-4

© Серебрякова Е. А., 2021
© «Издательство «Перо», 2021

Содержание

Часть I. Манушкина избушка	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Серебрякова

Камень власти

© Серебрякова Е.А., 2021

Часть I. Манушкина избушка

Глава первая

Жизнь в Чернопенье текла медленно и спокойно. Слава Богу, поветрия и засухи не коснулись этого края. Люди жили в достатке и довольстве. Пережитое Еремеем Прозоровым и Барбарой осело в душе тяжким грузом. Но со временем тяжесть стала привычной и будоражила только по датам событий.

Отрок Матвей – сын Еремея, к двенадцати годам овладел грамотой и счетом. Сильнее всего отрок тянулся к своему деду-тезке, Брюханову. Ежели они оставались вдвоем, то остальной мир для них не существовал. Все интересы и занятия обоюдные, без вмешательства третьих лиц. По числам, известным только им двоим, ходили на могилу Людмилы, матери Матвея и дочери деда. Вдвоем посещали поминальные службы в удельном храме. В положенные дни ходили всей семьей. Но проделывать сказанное вдвоем считалось особенным ритуалом. Еремей к деду не ревновал, он на всю жизнь запомнил его слова «Людмила ушла, а вместо себя оставила мне внука».

Еремей завел библиотеку, собирал мудрые мысли по устройству государства, много писал про события, коим был свидетель, но своими трудами не подменял летописца. Он сравнивал, делал выводы и формулировал заветы для потомков.

Захворал дед Брюханов неожиданно. Утром встал бодрый, за трапезой шутил и намеревался с внуком идти достраивать игрушечный терем. К полудню занемог, к вечеру слег и так, не вставая с кровати, к утру отдал Богу душу. Никто не был готов к такому несчастью. Поначалу Барбара всех убеждала, что дед Матвей вот-вот очнется от глубокого сна. Ее сын Александр начал выть так, как мужику даже в малом возрасте выть не пристало бы. Еремей держал себя в руках, только отдавал команды, связанные с подготовкой к погребенью. Сильнее всех страдал Матвей. Он сел на табурет рядом с вытянувшимся дедом и, не мигая, смотрел в потолок, сжав свои скулы. Ни единой слезинки он не проронил. Бабы просили Еремея вывести сына из оцепенения, заставить его заплакать. Но Еремей не обращал внимания на советы старух, он знал, что сын прощается с дедом так, как в свое время простался он со своими родителями. В первое время после погребения отрок каждый день ходил на могилу своего деда. На сороковой день попросил отца отвезти его в Москву, где, как он знал, имеется родовой особняк рядом с Красной площадью.

– Дома стало невмоготу, такого одиночества я раньше не чувствовал.

Еремей понимал сына и не хотел ему перечить. Стали собираться в дорогу, готовить одежду и еду всего на одну седмицу. Еремей рассчитывал пожить в Московском доме, навестить старых друзей, узнать последние столичные новости. Думал, что для сына срок подходящий.

Фотий распорядился дать охрану для сопровождения боярина. Условились, что кнети не будут дожидаться возвращения и встанут сразу на обратную дорогу.

Ехали без спешки, путь одолели за два светлых дня. Столица встретила гостей богатыми домами, многолюдием и постоянным гомоном. Казалось, жители специально перекликаются, чтобы создавать шум для поднятия настроения. Все сразу рассмотреть и составить мнение Матвею оказалось невозможно. Пестрые одежды, на ногах сапоги разного цвета, валенки чудных фасонов, на головах кто во что горазд: треухи, меховые колпаки, высокие столбы и просто шкуры, сшитые с трех сторон.

Получалось, что Еремеев особняк самый старый из всего третьего ряда на Ордынской дороге Замоскворечья. Его дом окружали новострой со свежей краской, с белеными кир-

пичными стенами и высокими подклетьями. Особняк будто старик поменял ростом и своими серо-темными оттенками кричал о полном безлюдии внутри него. Калитка не открылась, она закрипела и упала прямо в проем. Снег высотой в пояс шел до самого дома. Ступени сгнили, пришлось залезать на крыльцо почти ползком. Парни-охранники оказались очень кстати. В сарае нашли материалы, из них смастерили новые ступени, отремонтировали ворота и калитку. Лопатами расчистили остатки снега.

На третий день Еремей повел сына на Красную площадь, заодно прошлись по торговым рядам. Матвей такого обилия товаров еще никогда не видел. Еремей зорко следил за взглядом сына, надеялся определить его интерес и, стало быть, порадовать отрока обновой или какой-то безделицей. Но Матвею быстро надоело шастать по рынку, и он запросился домой. После тишины и раздолья Чернопенья главная базарная площадь столицы была трудной для восприятия. Только задуманное Еремей еще не завершил. Повел сына в Посольский приказ. По дороге просветил отрока чем занимаются специально подготовленные люди для спокойствия и развития Отечества.

Когда старинный друг Еремея дьяк Румянцев Степан Владимирович увидел гостя, он не поверил своим глазам. Друзья обнялись и расцеловались. Еремей представил своего сына. В своем возрасте Матвей еще не достиг того роста, когда можно посмотреть друг другу в глаза. Дипломат сел на табурет и взял отрока за обе руки. Сразу определил схожесть с отцом – русые кудри, орлиный нос, голубые глаза. Румянцев стал задавать всякие вопросы. Матвей, не тушуясь, отвечал коротко, точно и честно. В конце концов дьяк погладил мальчика по голове и взглянул на Еремея:

– Надолго в столицу?

– Прибыл на седмицу. Нынче четвертый день. Может пойдем, Степан Владимирович, на улицу, здесь как-то неудобно.

– Ты прав, у нас считают будто у стен имеются уши.

Для разговора выбрали уютный уголок на Васильевском спуске. Тут у Покровского собора с тыльной стороны, как правило, было тихо. Первым разговор продолжил Степан Владимирович. Говорил, нисколько не стесняясь присутствия отрока, как бы давая ему наперед свое доверие.

– На колее государя нашего Иоанна Васильевича похоже пошла последняя верста. Главная примета в пробудившейся беготне недругов из числа ближних бояр.

– Не впервой на Руси меняется помазанник Божий? – удивился Еремей, – чего опять не хватает? Всей Европе доказали свою силу. С Москвой считаются и решения без оглядки на нас не принимают. Сибирью Русь увеличила свою территорию. По сути, получила кладовую сокровищ, вся Волга вплоть до Хаванского моря наша, крымчакам укорот дали.

– Все так, Еремей, но вот с наследником престола беда. Федор Иоаннович особого рвения к государственным делам не испытывает. Занят делами божественными и семейными. Ежели не на молитве в церкви, так в покоях своей жены разговоры разговаривает.

– Есть и другой наследник – Дмитрий.

– Мал он.

– Так Иоанн Васильевич не сразу встал на обе ноги.

– Про Дмитрия забудь, за Федором стоит силушка несметная. Жена его Ирина – сестра боярина Бориса Годунова, а он уже давно на виду у многих власть творящих.

– Что плохого, что власть примет Федор Иванович?

– Похоже, ты потерял чутье. Очень успокоился в своей глухомани, – заявил Румянцев и внезапно умолк.

Мимо проходили два боярина в высоченных шапках и собольих шубах. Дипломат повернулся к ним лицом и поздоровался. Те в ответ лишь кивнули и проследовали далее.

– Знатные персоны? – спросил Еремей.

– Знатные-то знатные, но тебе лучше их не знать!

Румянцев еще немного помолчал, потом продолжил.

– Эти двое ведут разговор, что род Рюриковичей изжил себя и пресечь его надобно по смерти нынешнего царя. В этом они не одиноки.

– Звучит как детская игра в горелки.

– Разве на Московии в такие игры ранее не играли? Не тебе сказывать сколь вреда могут принести такие горелки. На Руси ежели где всколыхнет, так отзовется везде. В порубежье только и ждут, когда у нас запоыхает. Поверь, я уж доподлинно знаю.

– Ты сам то, чего желаешь?

– Желаю, как прежде, но такому приходит конец. Меня тянут к себе и сторонники Рюриковичей, и их противники. Под благовидным предлогом отказываю и тем, и другим. Переносу окончательное решение. Они начали угрожать.

– В дому у тебя все в порядке?

– Жена и дочь Дарья, слава Богу, здоровы.

– Дочь поди уж взрослая?

– Девятый годок пошел. Только боюсь за них. Дочь единственная, детей у меня более не будет.

– Может тебе, Степан Владимирович, сопроводить их ко мне. У меня в усадьбе покойно. Ведь сам по мне отметил. И место мое не такое дальнее. Поди, знаешь Кострому? Бывал ни раз?

– Я почему-то думал ты где-то в Астрахани. Но коли так, мысль хорошую ты мне подсказал. Надобно с женой посоветоваться. Тебе-то не будет в тягость?

– С женой переговори, а завтра по вечеру приходи ко мне, посидим и обговорим.

– Наверное ты прав, но мне надо спешить в Приказ, а то хватятся, а я неизвестно где!

Друзья расстались и каждый пошел своей дорогой. Уже дома Матвей стал расспрашивать отца про все заботы дипломатической службы. Судя по интересу, отроку понравился Румянцев, удивила его осведомленность.

Утром Матвей снова вернулся к разговору про Посольский приказ. В конце попросил оставить его в Москве под присмотром Степана Владимировича.

– Что ты будешь тут делать один?

– Почему один? Найдем сторожа и кухарку, приглашу преподавателей, хочу дальше учиться.

– Сие похвально, только без Румянцева Степана Владимировича решение принять не могу.

Жену и дочь отправили в Тверь с купеческим обозом. Сговорились, что Еремей встретит их на дорожной станции и они втроем по ледяной дороге Волги двинутся прямо в Чернопенье. Матвею нашли сторожа и приходящую кухарку. Для учебы наняли двоих учителей: одного по географии и страноведению, другого для обучения немецкому и шведскому языкам. Румянцев обещался раз в неделю навещать отрока.

Минуло две седмицы со дня отъезда Еремея, жены и дочери Румянцева. Московский колокол известил народ о кончине первого царя руса Иоанна IV Васильевича. Завершилась эпоха расширения территории русичей, укрепления границ, эпоха создания органов государственного управления и период зарождения в королевствах Европы ненависти к Московии, которую после назовут одним словом «руссофобия».

Недолго ждали нового царя. На престол вступил законный наследник, сын последнего царя Феодор Иоаннович. Народ облегченно вздохнул, дескать все по правилам и по закону. Сторонники лоскутных обрезков в виде удельных княжеств попрятались в своих норках до поры до времени. Соседи ждали первых шагов царя Федора, чтобы определить новые отношения с Русью.

Еремей привез в Москву семью Румянцева и первым делом навестил сына. Отрок сразу высказал довольство своей новой жизнью, похвалился новыми знаниями и порадовал твердой убежденностью в выборе своего будущего. Степан Владимирович при встрече дал лестную характеристику Матвею и, как бы невзначай, обронил, что о таком зяте он мог бы только мечтать.

А время побежало дальше, отрок превращался в юношу, и Румянцев начал доверять ему поручения, учил определять суть длинного сообщения и укладывать эту суть в короткие строчки. Матвей составлял обзорные документы, учился докладывать о прочитанном по заданию своего наставника. Еще парень часто присутствовал на переговорах с иноземцами, иногда толмачил. В шестнадцать годов Матвей был зачислен в штат Посольского приказа для исполнения отдельных поручений.

Летом 1588 года ему дали задание отвезти в Кострому важный документ, положенный в специальный пенал. Выделили охрану и определили седмицу на исполнение.

Исполненное поручение давало Матвею возможность на пару дней заглянуть в Чернопежье. Такому раскладу кнети тоже обрадовались. Впервые за четыре года Матвей оказался в родной стороншке. Все, кто видел Матвея еще отроком, удивились изменениям в его облике. Парень возмужал, раздался в плечах, звенящий голос сменил полноценный баритон. После того, как охладел первый восторг от приезда дорогого гостя, Матвей уединился с отцом. Было понятно, что батюшка хочет о чем-то рассказать, но никак не может подобрать нужных слов.

– Что с тобой, батюшка? Ты всегда учил признаваться в правде, не бояться косых взглядов и кривотолков.

– Случаются в жизни такие вещи, о коих прямо не скажешь. В данном случае лучше будет услышать новости от меня, чем от шептунов. Вышло так, что ощущения одиночества мучило не только меня одного. То же самое испытывала Барбара. Горя привели нас с ней в единую постель.

– В грехе живете? Ну, да Бог вам судья. Не осуждаю, не могу и не хочу. Право на земную радость вы заслужили с ней сполна.

– Так не думает сын Барбары Александр. Мы вынуждены от него прятаться и тайно искать уединения. Боюсь, что он при случае тебе наговорит такого, что ты изменишь ко мне отношение.

– Слушать его не стану, но парню пора определяться с постоянным занятием, поди до сих пор живет на всем готовом! Кроме польского языка, коему Барбара научила нас двоих, чего-то еще освоил.

– Если честно, то не пойму в кого он уродился. Яруло я знал прекрасно и почивания на лаврах за ним не водилось. Барбару видел в разных ситуациях. Терпелива, сердобольна и трудолюбива.

– Думаю, за Александром грешки водятся кроме самой ленивости.

– Любит урвать, что плохо лежит. Но все это половина беды. Схватишь его за руку на грехе, а он глядит светлыми глазами и отказывается от содеянного.

– Барбара знает об этом?

– Она в растерянности. Плачет и молится.

– Хочешь, поговорю с ним?

– Словами ему уже не поможешь. Будь моя воля – посадил бы в темницу на хлеб и воду, ходил бы к нему иногда и спрашивал о планах на будущее.

Встреча один на один Матвея с Александром состоялась. Тот сперва высказал недовольство своей жизнью. Потом пустился в оскорбления своей матери, потом перешел на отца Матвея. Тут терпение Матвея закончилось и Александр был нещадно бит. Остался с синяками на лице и разбитым носом. Но у него хватило ума никому не пожаловаться.

Еремей вдвоем с сыном сходили на кладбище. Могилки деда Брюханова и Людмилы были ухожены. Кресты от пропитки специальным раствором, Еремею посоветовал Фотий, сохранили деревянную структуру и блестели на солнце сотнями зайчиков. Потом отец и сын сходили в церковь, поставили поминальные свечи за упокой раба Божьего Матвея и рабы Божьей Людмилы. Отдельную свечу Еремей поставил за упокой своих молодцов и Яруло. За здоровье всех живущих свечи поставили перед образом Преподобного Николая Чудотворца.

Глава вторая

Между Москвой и Переславлем в семи верстах от Сергиева Посада раскинулось село Сухоруково. Своим рождением и названием оно обязано Корнею Сухоруку, переселенцу из Ростовского княжества во времена Ивана Калиты. Нужда заставила Корнея искать счастье в неведомых землях. Московские кнети разорили его хозяйство, забрали все ценное, вплоть до серебряной пуговицы. Невмоготу расставаться с добром, нажитым потом и кровью. Как ни убеждали московские разбойники, что добро пойдет в Орду в обмен на спокойствие, на выкуп русичей из полона жуткого, на оплату ярлыков правления, Корней был уверен, что словами детей не накормишь и зимой ими печь не истопишь.

Взамен князь давал любые бесплатные земли вокруг Москвы и строительный лес на обустройство.

– Родивый сообразит, – любил повторять Иван Данилович и создал-таки удаленные от столицы посады для защиты города.

Корней ухватил себе поляну с плодородной землей, кусок леса и берег реки Вори, небольшой, но полноводной. Корней возвел жилище и вторым по важности поставил православный храм. Сходил в Лавру и позвал священника на освящение и регистрацию. То ли храм, созданный от души притягивал к себе своей силой, то ли место оказалось удачным, но народ потянулся в село Сухоруково. Ближние соседи скорее из-за зависти дали Корнею прозвище Ухват. Потом прозвище перешло в казенные бумаги и превратилось в фамилию для последующих поколений.

Очередным наследником Корнеева начинания стал неизвестно какой по счету в смене поколений правнук Фома. Очередной владелец Сухоруково добросовестно делал то, чем занимались его предшественники: сеял рожь и ячмень, выращивал домашних животных, ловил рыбу, ходил на охоту. И семье пропитание, и навар от торговли. Одна шкатулка с золотом, другая с серебром. Но не ради богатства жил Фома, его заносило то в одну, то в другую сторону. То плуг закажет у кузнеца по собственным чертежам, соху прилюдно подвергнет сжиганию; то дикими семенами засеет часть пашни, а на другой год соберет невиданный урожай; то снасть придумает для ловли рыбы, раньше невиданную. Много планов роилось в голове Фомы, в том числе дорогу надобно проложить до тракта на Москву. Его пашни на возвышенности, а съедешь с них, и вода хлюпает. Уже несметное количество камней заложили в дорожные провалы, но на другой год твердость уходит как в бездонную пропасть. Прицепился к зимней одежде. Больно тяжелыми для него стали тулупы. Овечьих шкур полно, а выделывать их и делать легкими никто в окрест не умеет.

Однажды прослышал Фома про скорняка из Переславля. Попалась в руки шкура, выделанная этим мастером. И загорелся Ухват познакомиться с ним, выудить хитрости выделки шкур или просто секрет купить. Выбрал время в межсезонье и поехал в Переславль, нашел мастера, познакомился с ним. Архип особо не секретничал. Шкуры он сперва вымачивал в растворе соли, потом мездрил, снимал острым ножичком слой жира со шкуры. Показал сколь надобно, чтобы достичь желаемого.

– Важно не переборщить, иначе будут дырки от времени. Недоделать тоже плохо, – учил мастер.

Перед следующей операцией он ходил на барскую конюшню и собирал лошадиную мочу, в нем шкуры держал целых пять дней. Сразу предупредил, что на вонищу обращать внимание не надобно. Главное оказалось впереди. После сушки шкуры надобно мять. У Архипа стоял деревянный станок для этих целей. Три валика и две ручки для вращения.

Мастерская стояла на берегу реки Трубеж. Пока Архип рассказывал, внимание Фомы привлек мужик, который сплавлял на плоту груз на четыре-пять телег. Плыл легко, лишь

шестом регулировал направление движения. В конце разговора Фома спросил про реку. Архип объяснил, что впадает она в Плещеево озеро, и из него сплавщики идут в разные стороны, ибо посадов и дорог по берегу сколь угодно.

На возврате домой Фома бубнил одни и те же слова «поехал за одним, возвращаюсь с другим». Три дня ушло на строительство плота, еще половину дня загружали мешки с зерном. До вечера дошли до пересечения Вори с трактом на Москву. Проблема перевозки грузов от Сухоруково до большой дороги была решена просто и дешево. Осталось лишь поставить амбар на берегу и тогда будет полное довольство.

Водное царство захватило Фому с такой силой, что впору жить прямо у самой реки. В его голове роились идеи нового вымола, быстроходного плота, возвращение судов вверх по течению с помощью лошадей по берегам. Некоторые идеи он фиксировал на чертежах, потом аккуратно складывал в отдельный ларец с замочком на крышке.

Однажды по глубокой осени Фома увидел вереницу людей, человек пять – шесть. Присмотрелся, а это слепцы с мальчиком поводырем. Отроку лет одиннадцать, не более. Поводырь подвел своих подопечных к Фоме и попросил разрешения передохнуть под навесом у ворот. Под крышей стояли скамьи и длинный стол. Как только слепцы расселись, слуга по команде Фомы принес хлеб, кувшин молока, варенные яйца и соленые огурцы. Перед Фомой сидели люди разных возрастов и различимы по грамотности. У двоих сразу почувствовалась правильная словесность. У остальных с манерой говорить было не все приемлемо. В лицах проглядывалось особое единение – их общая беда, нарушившая основную связь с внешним миром и называлась эта беда – слепота.

– Давно идете? Откуда? – спросил хозяин не из любопытства, просто выказать человеческое сочувствие.

– Весной вышли из Казани. На одном месте нельзя задерживаться надолго, – сказал самый старший из всех и пояснил, – привыкают и перестают подавать.

– Еще ходим по монастырям и храмам в надежде получить исцеление. Молимся и водицу святую пользуем, – вступил в разговор еще один слепец.

– Помнишь, как митрополит Алексий исцелил Туйдулу, мать хана Золотой орды? Он без боязни пошел к татарам по их приглашению, с собой принес святую воду и молитву.

– Кто же подсказывает вам где храм, а где монастырь? Землица наша для пешего бывает порой пустыня.

– Идем себе вдоль Волги и удивляемся, сколько святых мест по берегам. Видно так Господь распорядился.

– И что длинная река Волга? Много о ней слышал.

В разговор вступил отрок. То ли пользовался чужим сказом, то ли сам уже побродил по свету.

– Волга, она через всю Русь проходит. Далеко за Тверью ручейком начинается, а заканчивается в необъятном Хаванском море.

– И что, ты видел это море?

– Кто до Астрахани доберется, тот море обязательно увидит.

– Большое оно? – Фома представил Плещеево озеро, когда с одного берега другого не видно, – поди как от Переславля до Москвы?

– Как от Переславля до Архангелогородской окраины. Слышал про такое? – отрок победно глянул на Фому.

Фоме действительно стало стыдно, любопытство его распирало и взяло верх.

– Скажите, от Переславля где ближе всего Волга протекает? В какую сторону идти надобно?

Один слепец назвал Тверь, другой выдал из себя малоразличимое название, отрок твердо сказал: «Углич».

– Гляди, боярин, от Переславля дойдешь до Ростова. По пути можешь заглянуть в Годеново, крюк не длинный, но там Христос каменный в полный рост, свалившийся с неба стоит. Упал прямо в болото, аккурат в тот день, когда Византия пала. А болото за ночь превратилось в возвышенность и теперь там стоит храм и открылся монастырь.

– А Христос где? – начал спрашивать Фома, будто отрок ему врал. Но вступились слепцы и подтвердили такое явление.

– Христос прямо в храме установлен и к нему можно приложиться. А в Углич от Ростова пойдешь влево. Там дорога одна, заодно зайдешь к источнику преподобного Ириарха. Попьешь водички и иди по единственной дороге через Юхотские земли и выйдешь к Угличу. Красивый город, залюбуешься. Вторая столица.

– Почему?

– Ведь там живет наследник престола царевич Дмитрий. Как Иоанн Васильевич отдал Богу душу, его туда и отправили, – ответил на вопрос первый слепец и добавил, – видать в Угличе спокойнее.

– Я слышал, что наследник совсем мал, – не унимался Фома.

– Семь годков. Так с ним мать, Мария Нагая, ее братья и слуг человек триста. Но они городу не помеха, – закончил свой сказ слепец.

Гостей проводили, дали на дорогу еды. Они надеялись прожить в Сергиево-Троицкой лавре до весны. Потом двинуться дальше и ходить так всю оставшуюся жизнь. Отроку похоже сие занятие по душе. Все лучше, чем сиротствовать в хозяйском доме или пристать к душегубской ватаге.

Слепцы ушли, а Фома потерял покой. Ему очень захотелось увидеть Волгу. Только на дворе межсезонье и по слякоти далеко не уедешь.

Не выдержала неугомонная натура. После первых морозов двинул по означенному маршруту. С ним поскакали двое ражих мужиков, помощников по хозяйству. На третий день взору открылся город Углич. Встретил путников перезвонов церквей, коих в округе находилось видимо невидимо. Действительно, вторая столица Руси. На линии вымолов жизнь замерла. Волга покрылась льдом и речные суда стояли у самого берега или лежали у кромки льда на берегу. На реке по любому угадывалась длинная широкая лента, по которой смелые ямщики уже гоняли вовсю. Оглядевшись, Фома пошел к Кремлевским воротам. Именно там он надеялся свести знакомство с местным служкой. Деловых можно определить сразу. Они передвигаются, будто в надетом на все тело стеклянный пенал. Внешний мир их не интересует, у них своя удивительная жизнь и всякий народишко только мешает под ногами. Опыта у Фомы в таких делах не было. Он неоднократно слышал, что официальный путь усыпан подношениями. Можно разориться или дожидаться второго пришествия, но вопрос не решить.

Мужика без стеклянного колпака он заметил сразу. Тот сперва скрылся за воротами, потом вышел из них с пеналом, в коих носят важные бумаги. Фома двинулся за ним и тот привел его в городскую тюрьму. В первый момент Фому сильно смутило, но спохватившись, он понял, что парень вхож в круги охранителей. Порфирий оказался курьером при воеводе. На потребность Фомы отозвался с искренним удовольствием и стал делиться всем, что знал про речные передвижения по Волге. Одобрил идею поставить новый вымол и перевозить грузы. Вызвался свести с нужным человеком. Посоветовал именно зимой решить этот вопрос, а то летом сбегаются купцы, хитрые людишки и цены уходят к облакам. Порфирий, как и обещал, переговорил с ярыжкой из Земельного приказа. Но тот даже знакомиться с Фомой не захотел. Назвал сумму и велел курьеру указать отведенное место. Все нужные документы принес Порфирий. В бумагах значилось, что Фома Сухоруков, сын Иванов, получает в распоряжение землю и обязуется построить вымол и амбар, купить речное судно, перевозить на нем грузы и людей до города Ярославля и назад. Фома спросил про ограничения. Порфирий дал грамотный

ответ, типа первое время работу новичка будут контролировать и года два он должен находиться на виду.

– А то ведь как бывает, уйдет хозяин в поход до Астрахани. А ты жди его до осени. Пока не уразумят, что ты за человек, то доверять не станут.

С первой оттепелью оставил Фома на хозяйстве в Сухоруково своего среднего брата. Сам уехал в Углич. Почти задарма купил строительный лес. Нанял толковых, мастеровых ребят и работа закипела. Однажды вышла незадача. Со стропил строящегося амбара упал верховой рабочий. И как на грех напоролся на сук, пробил мякоть верхней части ноги. Конечно, рану обработали, ногу завязали, но рана начала гноиться. Мужик оказался неспособным к дальнейшей работе. Фома вспомнил советы целительницы из Сухоруково и спросил у местных ягоды оранжевой королевы. Те недоуменно пожали плечами. Фома взял с собой одного из помощников, и они пошли в лес. Долго ли, коротко ходили, но в конце концов отыскали кусты в желтеющими ягодами. Стали собирать в лукошко. Вдруг оба встали будто вкопанные. За кустом малины стоял волк. Он не скалился, не показывал клыки, не рычал, он будто о чем-то просил.

– Слышь, Фома, – прошептал помощник, – слышал я, что волки иногда у людей помощь просят.

Фома кивнул и сделал два шага навстречу волку. Тот медленно развернулся к нему задом, потом повернул голову и посмотрел прямо в глаза. Фома пошел за ним, а тот все ускорялся и ускорялся. Пришлось даже догонять. Волк, а точнее волчица, привела их к охотничьей яме. На дне обреченно сложив лапки, лежал волчонок. Кричать уже не было сил. Он только чуть-чуть разевал свою крошечную пасть. При падении волчонок повезло. Он не задел тельцем острые колья. Но испуг от безысходности и потери сил овладели им сполна. Мать-волчица отбежала немного и легла, положила свою морду на передние лапы. Достали веревку и привязали ее к дереву. По ней Фома спустился вниз, надел рукавицы и взял волчонок в руки, примерился и бросил его наверх. Помощник умело поймал щенка. Когда собрались уходить, увидели, что волчица облизывает своего детеныша и воспроизводит звуки, похожие на довольное урчание.

Снадобье раненому мужику помогло и на пятый день он уже сидел на верхотуре. Строители приносили с собой узелки с едой. Кто-то уходил утолить голод домой. Иногда еду приносили близкие люди из семьи: дочери, малолетние сыновья, сами жены. К этому привыкли и уже никто не обращал внимания. Фома и его помощники столовались у старушки из дома на соседней улице. Ходили два раза в день – утром и ближе к вечеру. Особых изысков не требовали, платили справно и не жадничали.

Среди строительной артели особо выделялся Домиан, мужик из Rogozового посада близ Углича. Ему еду приносил сынишка и чувствовалось, что это поручение он выполняет с удовольствием и без принуждения. В один из дней обед ему принесла дочь. Домиан сразу спросил про подмену. Та сообщила, что мать разрешила Сашке пойти с соседскими ребятами на Волгу ловить рыбу.

– Сашок и так безотказный в домашних делах, а тут вроде у всех ребят единое желание проявилось, – оправдывалась дочь.

– Ты, Лушка, парня мне не порть. А то, ишь, с матушкой сговорились и пожалели мальчика.

Фома посмотрел на дочь Домиана и увидел не Лушку, а вполне сформировавшуюся молодую девицу, очень приятной наружности. Называть ее Лушкой язык не поворачивался. Лукерья – дело другое. Казалось, имя придумано специально для этой девушки, а не наоборот.

После трапезничества Фома подошел к Домиану и высказал восхищение красотой его дочери.

– Толку что? – возмутился древодел, – в голове никакого ума, дура дурой.

– Я не заметил, – удивился Фома.

Домиан пояснил:

– Придумали с матерью, то бишь с моей женой, песню про счастье. Недавно парень сватался к Лушке. Видный, работающий и не пьющий. Они с моей женой отказали ему и его сватам. Стыдоба на весь посад пошла. А эти долдонят одно: «хотим счастья».

– Спорить не буду, но несчастных женщин видел. Сказывают, нет большего наказания, чем делить постель с нелюбимым мужиком.

– А ты где на всех любимых наберешься? Стерпится, слюбится!

– Бывает, что не слюбляется. А ты, говорят, известный во всей округе мастер наличников. У тебя каждый узор не только красив, но и содержателен.

– Эх, Фома, ушли, те времена, когда на это обращали внимание. Но через те самые наличники намедни вызывали меня к царевичу, точнее к его матери, Марии Нагой.

– Так у них вроде терем каменный. Неужели тоже наличники нужны?

– Не наличники она заказала.

Домиан перешел на шепот, взял Фому за рукав и повел в сторону.

– Царский трон она заказала для своего сына.

Фома опешил.

– Так вроде Феодор Иоаннович, дай Бог ему здоровье, царствует и уходить никуда не собирается.

– Ты ведь знаешь, как у нас уходят, – Домиан начал говорить совсем неслышно, – вроде утром бегал, а в полдень кувырк и нету.

Фома со всей крестьянской хваткой гнул свою линию и не упустил подвернувшийся случай.

– Домиан, можно глянуть на будущий трон? Ей Богу, никому не скажу, словом не намекну.

– Так я же его только начал.

– Все одно глянуть охота. Когда еще царский трон увидишь?

– Ладно приходи. Только когда?

– Давай послезавтра. Престольный праздник, я работы отменю, и мужики отдохнут, и мы с тобой отметим. Утром схожу в церковь и сразу к тебе. Сказывай, где живешь?

В праздник Святой Троицы Фома отстоял службу в Спаса-Преображенском храме. Причастился, поставил свечи за здравие и за упокой. У кремлевских ворот ждали своего часа три коляски, все, которые тогда лётали по городу. Фоме понравился ражий мужик с аккуратной бородой и в разноцветном кафтане. Сговорились, но сперва заехали на рынок. Купленные гостинцы удивляли многих встречных: пряники мятные в коробе; связка баранок, густо осыпанных маком; мешочек с орехами и туесок меда. Создавалось впечатление, что мужику деньги девать некуда, или собрался кого-то подкупить.

Дом древодела выделялся из общего ряда изразцами и яркими красками. На каждой воротине висели по звезде неправильной формы, но они нисколько не портили восприятие, наоборот, неправильные формы притягивали внимание. Возница развернул коляску в сторону города и повторил договоренности заехать за Фомой, как только колокольный звон позовет всех на вечернюю службу. Видать в семье Домиана ждали гостя и за улицей наблюдали из окон. Не успел Фома приблизиться к воротам, как калитка отворилась, показался хозяин в нарядной рубахе с убранными под ленточный пояс волосами и лучезарной улыбкой.

– Здравы будем, Фома Иванович!

– Чего меня по-боярски кличешь? И тебе здравие, Домиан.

– Проходи в дом, самовар только закипел. Жена чайку заварит с душицей.

– Вот к столу, гостинцами побалуемся.

– Тю, да тут цельная ярмарка получается!

Поначалу за столом оказалось трое: двое мужиков и жена древодела. В доме стояла полная тишина будто никого более нет.

– А где же детки ваши? Пусть вместе с нами порадуются Троице.

– Лушка у себя, а малец усвистал с друзьями на Волгу.

– Так зовите дочь. Такая красавица только глаз радует.

Лукерью позвали, но вышла она не сразу. То ли стеснялась, то ли прихорашивалась.

– Здравия всем! С праздником Святой Троицы, Господи, благослови!

– И вам того же, Лукерья Домиановна. Вот напросился к батюшке вашему в гости.

– Мы гостей любим.

Долго пили чай в прикуску со сладостями. Говорить особо было не о чем. Чувствовалось, что в этом доме пустая болтовня не приветствуется. Фома выбрал самую душещипательную тему.

– А что, Лукерья Домиановна, ваш батюшка сказывал, что вы весьма разборчивы в женихах?

Домиан и его жена онемели. Хозяйка строго глянула на своего мужа и прищурила глаза. Казалось еще немного и с губ сорвутся обвинения мужа во всех тяжких грехах. Но неожиданно прорезался голос Лукерьи. С каждым словом она говорила все увереннее и четче. А потом будто сечку рубила.

– Я за муж не хочу вовсе. Зачем? Нищету разводить? В нашем посаде через дом еле концы с концами сводят. До посевной доживают с трудом, потом с нетерпением и слезами ждут новые взятки с пашни. За деньги таки вообще не говори, носят то, что делают сами.

– Как же вы, ваша семья живет в достатке?

– Батюшке низкий поклон! Он делает то, что другие не умеют. Их таких древоделей, как он, человек пять на всю обозримую округу.

– Матушка с батюшкой два века не проживут. Хорошо коли помрут сразу, спаси Господи! А коли состарятся и превратятся в немощных? Кто их поить да кормить станет?

Похоже мысли Лукерьи зашли в тупик. Но она за словами не привыкла в карман залезать:

– А я пока молодая в монастырь уйду, – потом подумала и произнесла, – что же мне теперь за первого встречного за муж идти. Ведь таких как батюшка днем с огнем не сыщешь!

– Праздник нынче, ребяташки, – вступился Домиан, – может сей словесный поток оставим на другой день?

Лукерья казалась права. Такого батюшку – умного, рукастого, защитника своих детей точно не сыщешь.

В мастерской Домиана готовых изделий не наблюдалось. Все больше недоделок, да каких-то фрагментов. Он подвел гостя к обработанной доске.

– Вот спинка трона. Подголовник в виде солнца с лучами. Один луч уходит вниз и пойдет до самого сиденья. Четыре прорезы по две слева и справа для проветривания спины. Успел обработать только одну прорезь.

– Вижу вокруг нее вьется какая-то ветка с листьями и похоже висят плоды.

– Виноград. Он так растет, но ветки у него колкие и на них не возляжешь. Понятно, какой смысл я заложил в этом?

Домиан дотянулся рукой до брусочка и перевернул его вверх.

– Подлокотник.

– Змея что ли вырезал?

– Требование заказчицы. Под обеими руками приказала змей соорудить. Дескать, вот оно какое окружение царя Дмитрия.

Домиан отвел Фому в другой угол и показал вырезанную фигурку медведя в стоячем положении и задранными вверх передними лапами.

– Догадался? – глаза древодела горели огнем, – таких медведей будет четыре – ножки под каждым углом трона. Имею в виду наш народ.

Прощались, когда коляска, согласно договоренности, уже стояла у ворот. Фома поблагодарил Домиана за гостеприимство и глядя прямо в глаза сказал:

– О чем я подумал, пусть твой сынишка пока хорошая погода отдохнет. Может, обеды тебе станет носить Лукерья? Спор мы с ней не закончили.

Домиан будто опешил, а потом хрипло и медленно произнес:

– До-го-во-ри-лись!

Глава третья

Пробуждение природы после долгой зимней спячки особенно будоражит молодые сердца и души. Хотя люди всех возрастов радуются наступлению теплых дней, но молодые более других восприимчивы к признакам весны. Матвей после трудового дня сидел на крыльце и с удовольствием вдыхал запахи дыма от сожжения жухлой травы. Заботливые хозяева приводили в порядок свои земли, озадачивались удобствами для новой поросли цветов и других полезных растений. С реки Москвы доносились команды речников и всплески воды. В планы дня у ярыжки Посольского приказа входило вечернее чаепитие с булками от приходящей кухарки, чтение книги персидского путешественника и глубокий сон.

Калитка отворилась и на пороге появился Румянцев Степан Владимирович.

– Здороваться не будем, за целый день друг на дружку нагляделись.

Матвей понял, что появление у него дьяка произошло не просто так, дескать шел мимо и заглянул. Похоже, у Румянцева важное дело. Дьяк поднялся на крыльцо и присел на скамейку. Поглядел на Матвея, как бы еще разок сверяя, не ошибся ли он в выборе.

– Будешь сопровождать ученого немца, нанятого самим государем для поиска залежей серы. Сера, ежели не знаешь, нужна любому государству. Без нее порох не сделаешь. По мнению людей осведомленных, такие залежи могут быть в устьях малых рек, впадающих в Волгу. Карту тебе передам завтра, там указаны те места, кои надобно исследовать.

– Как зовут немца?

– Генрих Циммерман. На Московию приехал впервые и по-нашему ни пень, ни болван. Будешь при нем и защитой, и организатором работ, и толмачом.

– Волга проходит через всю Русь до самого Хаванского моря. Что же мне с этим немцем полжизни проводить?

– Отработаешь по карте от Твери до Ярославля. Там передашь немца другому службе. Как узнать друг друга, тоже скажу завтра. Еще с тобой пойдут трое рабочих, кои на подхвате у немца, и трое гриденей. После передачи немца в Ярославле гридени вернутся с тобой обратно по сухом пути, рабочие поедут с немцем до самого конца.

– Все просто и понятно. Зачем нужно было тревожиться, идти на другой конец ко мне на разговор? Завтра в Приказе обо всем бы и договорились.

– Обо всем в Приказе не поговоришь. Главное тебе скажу здесь и теперь: наши люди в чужих землях, кои слышали про этого немца, предупреждают, что Циммермана могут интересовать не только залежи серы. Но эту слабость на твоих глазах он спрятать не сумеет. Еще важнее, что серные места он сыщет, но не укажет их и не нанесет на карту. Но где-нибудь в своих записях обязательно отметит. Такое в голове не удержишь. Вот и будет твоей главной задачей, сначала выведать, куда он записывает свои наблюдения, где их хранит и заглянуть в них. Надобно запомнить, а лучше всего переписать.

Глаза Матвея засияли. Он почувствовал доверие к себе, важность порученного дела и ответственность за исполнение.

– Помимо того, что я перечислил, надобно чтобы немец даже краем глаза этого не увидел, чтобы даже комар носа не подточил. Провалишься, немец поднимет вой и все дойти до самого государя. А вокруг него доброхотов много. Раздуют огонь в таком достатке, что нас с тобой днем с огнем не сыщут. Оставить немца без присмотра тоже не могу, они ведь при первом удобном случае всю Русь по камушку разберут. Ты должен об том всегда помнить.

Утром в хоромы дьяка Румянцева собрались все участники экспедиции, кроме немца. Его в Тверь повезут в мягкой карете и с ним же пару сундуков со склянками, реактивами, инструментами и приборами. В Твери готово речное судно, которое довезет всех участников экспедиции до Ярославля. Познакомились друг с дружкой. Как стартовали от Кремля, так и

ехали почти без остановок. К вечеру дорога основательно вымотала всех и, подвернувшийся постоянный двор, вызвал ощущение счастья. Путников приняли приветливо, лошадей развели по стойлам, сундуки внесли в избу. На стол выставили горячую куриную уху в мисках, пироги с капустой, пшеничную кашу в едином чугушке и хлебный квас. Хозяин что-то пролепетал про медовуху, но, глянув на Матвея, умолк. Пока гости наслаждались едой, хозяин нарезал круги вокруг сундуков. Матвей под предлогом сохранности содержимого, и с разрешения немца открыл сундуки. Немец впялился своими глазищами и начал трогать пузырьки руками. Потом сказал «гут» и сел за стол продолжать вкушать еду. Хозяин как-то сгас в своем гостеприимстве и вроде даже поменял в росте. Матвей вряд ли ошибся в своих предположениях. Улыбчивый хряк наверняка поддерживает связь с придорожной ватагой. После отъезда очередных гостей верст через десять-пятнадцать происходит налет, и воры отбирают все ценное. Хозяин тут не при чем, все шито крыто, и он в это время скорее всего принимает очередных гостей.

Ход Матвея избавил путников от проблем и, уже к полудню следующего дня показался город Тверь. Претензии на исключительность и самостоятельность Тверского княжества остались далеко в прошлом. В настоящее время город находился под полной подотчетностью Москве.

Представитель воеводы ждал гостей у пограничного столба. Опытались без лишних приготовлений, просто других встречающих в этом месте не было. Служка предложил отдых в избе, построенной специально для подобных торжественных случаев. Матвей слово в слово перевел немцу приглашение воеводы. Тот замахал руками и потребовал скорее приступить к работе. Понятно, что мнение ученого главнее всех других и путники сразу поехали к вымолу.

Команда состояла из двух речников, которые сразу заявили, что при движении рассчитывают на помощь пассажиров. Матвей предложил рабочих и лодка отчалила от берега. Была установлена полублена, своего рода навес с легкими стенами. Нутро помещения продувалось насквозь, но от дождя прикрывало надежно. В остатке первого дня отработали устье двух рек. Назывались они Созь и Хотч. В указанных немцем местах собрали образцы почвы и камушки. Образцы ученый надежно упаковал и сделал записи в своей маленькой книжечке. Потом взял карту и каждую речку обозначил цифрами 1 и 2.

К ночи стали выискивать место для отдыха. Знали, что на Волге балуют ушкуйники. Речники выбрали густой кустарник, выходящий прямо к воде. Лодку спрятали, вышли на берег, но огня не зажигали.

С утра прошли немало верст пока добрались до следующей малой реки, впадающей в Волгу. Сверились с картой и уточнили у местных жителей. Те подтвердили, что их речку, действительно, называют Жабня. Название режет слух, и более подходит кличка из старославянских времен. На реке провозились весь день. Когда закончили, следовать далее не имело никакого смысла, наступил вечер и ночь была уже не за горами. Пока возились с костром и ладили котелок над костровищем, рабочие растянули бредешок, взятый у речников, и немного прошли им возле берега. Рыбы наловили целую корзину. Лишнюю выпустили в реку. Окунь, судак, язь, стерлядь, нельмушка. В варево добавили несколько горстей ячменя, посолили, и когда все приготовилось, бросили на развар ржаных сухарей. Поели быстро. Воздержание от горячей пищи насчитывало целых два дня. Даже немец со своей индивидуальной миской подходил к котлу дважды. Дежурные отправились к реке мыть посуду. Но вернулись быстро, взбудоражились так, будто за ними гонится целая ватага ушкуйников. Один из рабочих держал в руке необычный предмет из воска, похожий на брусок с острыми гранями из воска. Ребята сначала увидели на мелководье камень правильной формы, а, вытащив на берег, поняли, что это обычная шкатулка. Открыли крышку и нашли эту загадку. Ничего другого в ней не лежало.

Матвей осмотрел брусок и увидел на торце кусок бумаги или материи. Он попросил принести из костра уголек, надел рукавицу и стал водить угольком сверху вниз. Воск плавился и оголял пергамент. Когда свиток развернули, увидели текст. Матвей сразу узнал шведский

язык, а немец похоже им не владел. Первым потянулся и впялил свои глаза в написанное, потом махнул рукой и отошел в сторону. Матвей тоже пожал плечами, и всем стало понятно, что и ему писанина не по зубам. Он положил пергамент в свой карман и попросил принести шкатулку. Ее быстро очистили от песка и налета, но ожидания не подтвердились. Она была сделана из дерева дуба или осины.

Любопытство распирало Матвея. Еле-еле дождался утра. И когда пошел по естественной надобности, развернул пергамент и прочитал письмо. «Многоуважаемый господин Краузер! Ко всему даю полную расшифровку, упомянутой в отчете «Манушкиной Избушки». Даю русскую транскрипцию, дабы не возникли разночтения. Третьего дня назад от даты написания один старик на берегу близ города Калязина распутывал свои сети. Мы угостили его вином. Что он поведал? Надобно идти сто шагов от маленькой церкви Святого Николая. Найти камень с половину человеческого роста, наверху которого вдавлен отпечаток куриной лапы громадного размера. Тогда, встав спиной к среднему когтю на лапе, иди куда указывает коготь до глубокого оврага. Продолжи путь по оврагу, он упрется в бурную реку. Поверни в сторону и иди по берегу пока не увидишь болото. Перейдешь через болото и начнется твердая земля – большой остров. В любую сторону он имеет в длину один человеческий переход. Потом мы многих спрашивали про это место, находили подтверждение, но нанять кого-либо в проводники не смогли. Главное, что все сходятся на одном – на этом острове полно золота или золотых самородков. Дабы не поднимать лишнего интереса к этому месту, в открытом отчете проходит лишь упоминание. Амадей Лунгрэн. 7 июля 1583 года».

Рабочий день в команде начался как обычно. По карте добрались до речушки Домковка, взяли образцы грунта, насобирали камушков и пошли дальше. Отработали Вырезку и Грехов ручей.

Немец делал одно и то же. Сперва упаковывал образцы, потом отмечал на карте номерами те места, которые посетили. Для записей доставал книжицу и что-то в нее вписывал. И так он делал каждый раз.

Вид города Углича со стороны реки поразил своей красотой. На закатном солнце играли разными оттенками купола тысячи церквей. От расходящихся бликов посчитать количество храмов было невозможно. Неслыханными доселе звуками переговаривались колокола и колокольца. Небесной крепостью возвышался Кремль – обитель первого царя Московии, а теперь место проживания прямого наследника престола царевича Димитрия. Возле крепостной стены суетились люди в одиночку и группами, пешие и на лошадях, точь-в-точь как в Москве. Видать, не зря Углич называют второй столицей.

После поворота реки вдоль берега пошли вымолы. У каждого стояли лодки, кебаты, струги, насады. Крайняя в этом ряду пристань оказалась не занятой. Дерево совсем новое. Двое мастеровых что-то пилили на сколоченных наспех козлах. Подошли ближе, Матвей поприветствовал людей и попросил разрешения пристать к их вымолу. Один из пильщиков побежал за амбар. Гадать пришлось недолго, с посыльным возвращался человек по одежде и манерам явно начальный над всем этим строительством. Приблизившись к путешественникам на какое-то расстояние, он махнул рукой, дескать давай причаливай. Первым на берег сошел Матвей и поприветствовал хозяина.

– Фома, можно просто по имени. Так привычней.

Матвей сообщил о сути их путешествия и предъявил документы. Фома внимательно их прочитал, особо разглядывал печати. Похоже, все сомнения отпали. Перед ним стоял государев служка со своей командой. Выделялся иноземец, в его позе читалось величие, безразличие к происходящему и уверенность в своей незаменимости. Сошлись в цене, и Матвей продолжил:

– Кому нужно представиться, чтобы не вызвать подозрений? Дело в том, что на нашей карте для обследования указаны устье Каменного ручья и устье Шелковки. Речушки с двух сторон обрамляют Кремль, а в нем живет царевич.

– Существует специальный Приказ при княжеском дворе и называется он «Углицкий дворец». Приказ ведает вотчиной, а я знаком с дьяком, Семеном Кудимовичем. Сегодня поди он уже дома, чай пьет. Схожу завтра поведаю все, что ты мне сказывал. Ежели мало, понесу бумаги. Дашь мне их?

– Чего же не дать ради такого дела!

– Если и этого не достанет, то извиняй, пойдем в гости, естественно с подарками.

– Хорошо бы он дал человека, коего знают в Кремле и слово коего силу имеет. Ты сам-то местный?

– Нет. Приехал из Сухоруково, что недалеко от Троицкого монастыря. Там у меня большое хозяйство: жито, скотина, кожа. Работаем в основном на Москву, но чувствую тесновато становится. Судьба вывела меня на Волгу. Для начала займусь перевозками, а потом и свой товар возить начну.

– В Сухоруково кого на хозяйстве оставил?

– Среднего брата, а там и младший на подхвате и целый двор помощников.

– А тут местные чем знамениты?

– Кузнецы известны за пределами округи, особенно замочники. Таких надежных замков нигде не делают. Расходятся как горячие пирожки и еще их косы и топоры. Еще обушники знамениты, такие сапоги тачают – сноса нет, легкие, удобные.

– Скажи, где можно найти приют? Имеются постоянные дворы?

– Зачем тебе постоянный двор? У меня в амбаре есть помещение с теплыми деревянными полами. Дам длинные мешки, набьете сеном, вот и постель. Тебе и немцу выдам по мягкому войлоку для тепла и для дополнительного удобства.

Пока Матвей знакомился и сговаривался с Фомой, рабочие и гридени сообразили костер, приготовили уху и раздобыли во временное пользование самовар. За ужином Матвей сообщил о месте их приюта на время нахождения в Угличе. Немец потребовал отдельное помещение для отдыха и обработки полученных образцов. Матвей заявил, что из-за соображений безопасности он должен быть у него на виду.

– Утром уберем матрасы, сложим их в один угол, принесем стол и табурет. Сиди, гер Циммерман, работай и никто тебе не помешает.

– Но я хотел бы сперва доделать устье Каменного ручья и Шелковки.

– Эти две речки обозначают границы дворца королевича, – Матвей использовал слова, которые были бы более понятны иноземцу, – тут нужен специальный документ – разрешение. Завтра начну хлопотать.

С утра дружно сбегали на реку, искупались в еще не остывшей от вчерашнего солнца в воде и поели. Немец поднялся позже остальных, брезгливо пожевал мякиш ржаного хлеба и выпил чеклажку молока. Матвей сбегал к плотникам Фомы, выпросил стол и табурет. Немец разложил свои склянки, коробочки, щипцы и щипчики, развернул карту и начал проверять образцы. Матвей с двумя гриденями, одного оставили у амбара на всякий случай, прошлись по городу, постояли на службе в церкви. Потом заглянули на рынок, купили две потрошенных курицы, каравай хлеба и четыре клубня пареной репы. У вымола разожгли костер, сварили похлебку. Каждый имел свою посудину и ложку. Матвей черпаком распределял варево. Немец пришел к самому концу, но даже, если бы он совсем не пришел, то его часть все одно, никто бы не тронул. Разварную курицу положили на большую тарель. Но многие уже насытились. Ежели немец станет кому-то на что-то жаловаться, то только не на еду. Разве мог он себе позволить на родине сожрать половину курицы в обычный день?

Ближе к вечеру подошел Фома и велел Матвею собираться на прием к Семену Кудимовичу. Увидев обескураженный вид москвича, рассмеялся.

– Не надо никаких подарков, не велел ничего приносить.

– Как же так-то? Эдак он и разрешение не даст!

– Уважает Москву, а может боится. А может и то, и другое. Вдруг слух пойдет, что углицкий начальник за мзду услуги оказывает?

– Редкий случай!

– Скажи лучше, как там твой немец? Удивляется нам, али замечать не хочет? У них в чужих землях поди все по-другому?

– Не бывал, не знаю! Могу сказать одно – они просвещённые нас. Грамоте обучены еще до прихода Христа.

– А мы что же?

– Нам в наследство никто ничего не оставил. После подробно расскажу и про Римскую империю, и про Византию. Надобно иметь в виду, что когда в Царьграде работали университет и библиотека, давали публичные представления, у нас даже скоморохов не было и букварь отсутствовал. Наши предки ходили войной на Византию и побеждали, и мирные договора заключали. Только рамеи, так они себя называли, напишут договор, подписи поставят, да еще печать приложат, а мы на словах своим оружием поклянемся, и договор достигнут.

Семен Кудимович из всех сил старался показаться всесторонне грамотным человеком таким, кто радуется за единение Московского царства, демонстрировал готовность отдать все свои силы на благо Отечества. Подобное в Посольском приказе приняли бы за тупое самолюбование, за желание показать остальным какие они равнодушные. Но положение Матвея требовало принять за чистую монету то, что изображал из себя дьяк. После трогательной речи Семен Кудимович объявил о своем положительном решении. Матвей, задыхаясь от восторга, пообещал рассказать в Москве о патриотизме и честности дьяка Семена Кудимовича.

Работы на Каменном ручье и Шелковки начались после появления человека по имени Андогар. Не важно каким именем назвали этого мужика, главное, что с ним все здоровались первыми и не задавали никаких вопросов.

Генрих Циммерман исписал почти целую книжицу. На карте тоже продолжал делать пометки. Однажды позвал Матвея к своему рабочему столу и показал испещренную символами карту. Дал разъяснения: пометка буквой «А» означает внимание, т. е. в этом месте следует провести доразведку и выявить объемы залежей. Латинская буква «W» обозначает место, где залежи возможны, т. е. половина на половину. Туда, где поставлена латинская буква «N», ходить бесполезно, серы там и в помине нет. Немец объяснил, что на всякий случай условные обозначения расшифрованы на оборотной стороне карты.

– Скажите, гер Циммерман, а из книжицы вы что-то будете переносить на карту, – как бы между прочим спросил Матвей.

– В тех записях ничего интересного по нашему делу нет. Записи нужны мне только для памяти.

– Но впереди еще много работы, а книжица уже исписана.

– О, мой друг, это не проблема. Я просто достану еще одну книжицу и буду вести в ней запись.

Матвей попрощался с Генрихом и пошел к команде. В кругу гриденей и рабочих он объявил, что немец обработал все полученные образцы и намерен двигаться дальше.

Матвей догадался, что в сундуках немца имеется тайник. Именно туда Генрих спрячет исписанную, а достанет чистую книжицу. Досматривать его сундуки в поисках тайника, значит провалить все задание. Он пошел к Фоме и посвятил его в суть основной задачи. Матвей надеялся, что тот со своей крестьянской хваткой и хитростью что-нибудь подскажет.

Фома долго слушал предисловие, потом не выдержал.

– Ты, Матвей, вола не крути. Если веришь, говори, что надобно, а нет на него и суда нет!

– Немец записывает в своей книжке какие-то сведения. Книжку никому не показывает. Может какую напраслину гонит? А может камни и песок говорят не только о наличии серы, а о чем-то еще.

– Дело важное! Как же тебе помочь? Дай время подумать.

Посмотрели друг на друга, развернулись в разные стороны и замолчали. Первым заговорил Фома:

– Он на Московии первый раз?

– Сказывает, что впервые.

– Нужна баня, настоящая баня с парилкой.

– Не могу вразуметь!

– На берегу реки Корожечна, что слева по течению, находится баня моего хорошего знакомого. Я в ней уже парился. За входом сразу раздевалка. Из нее другая дверь в помывочную, а из помывочной в парилку. Коли он книжицу всегда с собой носит, стало быть оставит ее в одежде.

– И поведу его в баню я один. Войдем и сразу закроем входную дверь на щеколду. Есть там щеколда? Все время буду у него на виду. Пусть расслабится.

Фома утвердительно кивнул головой и стал уточнять свой дальнейший план.

– В чуланчик, где раздевалка, посажу своего человека. Он специалист по узорам на наличниках. С одного взгляда запоминает рисунок и может воспроизвести его хоть через седмицу. Он и будет основным исполнителем. Тебе придется держать немца как можно дольше в парилке и помывочной. Думаю, мой мастер может не успеть переписать все, что имеется в книжице.

– А ты бы поставил в помывочной жбан с пивом, а в пивко добавил бы вина хлебного. Только смотри не переборщи. Нельзя допустить, чтобы немец уснул. Потом будет мучиться в догадках, а я окажусь крайним. А уж коль до Москвы дойдет, то повезут меня в края дальние и холодные.

– Не бойсь! Сделаем все, как надобно. Сейчас поплыву на другой берег к знакомому на Корожечне, а ты иди к немцу. Баню надобно начать днем, а то там на окнах слюдяные заслонки, они плохо пропускают свет. При масляном светильнике не видно записей.

Матвей застал Генриха за опытами с камушком. Он капал на поверхность жидкость, а потом разглядывал каплю через увеличительное стекло. При этом смешно морщил кожу на переносице. Матвей сел на груды матрасов и грустным голосом сообщил, что в городе замечено распространение вшей. Он не знал, как по-немецки звучит сие насекомое и обозначил его по-русски. Немец повернулся к Матвею лицом и сделал вид, что не понимает. Ничего другого не оставалось, как взять на столе грифель и нарисовать на стене ужасного насекомого. При всех стараниях насекомое превратилось в животное из древних времен, коего встретишь где-нибудь и побежишь без оглядки. Матвей указал на рисунок, потом отмерил большим пальцем на указательном еле видимое расстояние и положил руку на свою голову. Немец понял, изменился в лице и спросил одно:

– Что же теперь делать? Как у вас избавляются от пришествия этих насекомых?

– Варианта два, – Матвей начал входить в образ и говорил все более выразительно, – надобно состричь волосы на голове, убрать бороду и усы. Имеется еще один вариант – попариться в бане.

Слово «баня» он произнес по-русски, но похоже немец понял его.

– Банья, банья, я много слышал об этом у себя дома. Очень хорошо, когда мы идем в баню?

– Думаю, договорюсь с Фомой. Он располагает нужными связями.

Когда Матвей уходил из избы, то увидел, как Циммерман судорожно чешет в своей голове.

Фома сдержал слово и утром подтвердил готовность. Ближе к полудню предложил переправиться на другой берег и определиться на помывку. К бане вела протоптанная дорожка, дымком и знакомым запахом потянуло при приближении к бревенчатому дому. Матвей дернул

входную дверь, впустил немца и демонстративно задвинул засов. Для убедительности подергал за дверь. Когда начали раздеваться, немец вынул из кармана своего кафтана завернутый в тряпицу предмет непонятной формы. По-русски пояснил «мыло», потом изобразил потирание рук и сделал ими круг, дескать будет пена.

– Думаешь, Генрих, я мыло не видывал. Вон оно на подоконнике. Для меня еще польнь запарили. От всяких насекомых помогает.

Немец на поясе обмотал полотенце, он притащил его с собой. Проследовал за Матвеем в помывочную. Когда тот открыл дверь в парную, немец пригнулся, произнес: «О, майн гот!».

– Это не «гот», а «гут». Давай, проходи, – Матвей втащил немца за руку и усадил на полог.

Скоро страх у иноземца прошел и он, похоже, начал получать удовольствие. Но у Матвея не забалуешь. Взял тут же стоявший ковшик, зачерпнул в кадке воды и вылил ее на камни. Немец снова рванул на выход, пришлось держать его за руку. Когда немец обмяк, наш повалил его на спину и достал запаренный веник. Главное – не испугать немца. Но тот после первых замахов, стал вскрикивать и стонать, подставляя под веник и руки и ноги. Когда вышли в помывочную, немец обессиленно сел на скамейку, а Матвей налил в кадку воду и облил сидящего немца. Тот зашелся в дыхании, потом прошипел: «Гут». Наступило время добавить влаги вовнутрь. В уголке стоял жбан и две чеклажки. Матвей наполнил их и одну протянул немцу. Тот жадно присосался и вернул чеклажку, когда она была опустошена до дна.

Заход в парилку сделали еще два раза, потом терли мочалкой друг другу спины, пили пиво и, ополоснувшись прохладной водицей, обтерли насухо тела. Запоры в раздевальне были на месте. Генрих похлопал по карманам своего кафтана и убедился, что ничего не пропало. Выйдя на улицу, Матвей столкнулся взглядом с Фомой и тот утвердительно прикрыл глаза, дескать все в порядке.

Отъезд из Углича наметили на следующее утро, вечером Матвей пошел к Фоме. Тот передал исписанные листы. Конечно формулы и цифры должны прочесть специалисты. Но Матвей увидел немецкие слова: золото, серебро. Пришлось копию оставить у Фомы на хранение, Матвей обещал забрать на обратном пути. Переписчику передал мешочек с монетами, как оплату за труды.

– Думаю, не обидится, – сказал Матвей.

Фома заглянул во внутрь и произнес:

– Думаю, нет!

Глава четвертая

Речники с самого начала предпочитали ночевать на лодке. Каждый вечер спрашивали у Матвея время отправления и, получив на следующий день очередной выходной, утром исчезали и появлялись только поздно вечером. Один из гриденей предположил, что у кого-то из этих двоих в Угличе живет баба, а может быть и у каждого по ласковой особе. Но настал день продолжения пути.

Лодка ходко шла по течению, рассекая воду и утренний туман. По берегам начиналось пробуждение, слышался пастуший рожок, мычание коров, крики людей. Слева показалось селение с деревянной церковью на пригорке. Подул ветерок, к счастью попутный, и речники развернули парус. Ближе к полудню прошли устье реки Юхоть, очередное место для забора образцов. Не успели причалить к берегу, как к ним подлетели три всадника, стрельцы на конях и при полном вооружении. Объяснения их не устроили. Матвеем пришлось доставать бумаги. Старшой внимательно прочитал документы и было заметно, как он облегченно вздохнул.

– Прошлой ночью мы немного повоевали, местные жители показали, где прячется ватага ушкуйников под водительством атамана Хирта. Не слышали? Гроза проходящих мимо купцов. Ежели кто не дает выкуп, убивают сразу, без лишних слов.

– Вы что же нас за ушкуйников приняли? – спросил с удивлением Матвей.

– Ты, боярин, видать не знаешь, ушкуйники любую личину принять умеют.

– Но теперь-то мы разобрались и можем идти дальше?

– Сначала выслушай. Ночью уничтожили половину его ватаги. Так он к утру писульку прислал, угрожает, что теперь начнет убивать всех подряд, превратит реку в потоки крови.

– Получается, нам надобно вертаться? Сколько же мы будем ждать, когда вы этого Хирта словите?

– Решай сам. Вертаться или идти вперед! Но коли пойдете дальше, держитесь правой стороны и все время ближе к берегу. Ежели услышим бойню, хотя бы помочь сумеем. Посреди реки течение ходчее, но наши пищали туда не достанут.

Стрельцы ускакали, Матвей посоветовался с гриденями и решил идти дальше. До Ярославля оставалось немного и всем хотелось отдохнуть в нормальных условиях, а Матвей мечтал передать противного немца сменщику и скорее скакать домой через Углич.

Прошли три версты. За кормой образовалась лодка с десятком оборванцев. Вскоре слева подплыла посудина с таким же количеством ушкуйников, наконец прямо по курсу встал кебат. Сосчитать бандитов не случилось. Со всех сторон громыхнули выстрелы. Гридени достали пищали и наугад ответили. Ну что три ствола и пищаль Матвея против трех лодок, набитых вооруженными бандитами. Речники плашмя упали на дно лодки, Матвей повалил на них немца. Весьма странное ощущение, когда видишь вспышку огня, чувствуешь, как твой чепец на голове разлетается в клочья, голову ото лба до затылка прошибает горячая волна, а выстрела ты не слышишь. Понимаешь, что остался жив только тогда, когда продолжаешь дышать и чувствовать свое тело.

Краем глаза Матвей увидел, как с боковой лодки бросили привязанный к веревке крюк. Речники, бросив управление, обрекли свое судно на беспорядочное кружение и тем спасли всех. В следующую секунду с берега грянуло много-много выстрелов. Ушкуйники начали прыгать в воду, некоторые, раскрасив пространство вокруг себя в красный цвет, бесследно уходили в речную пучину.

Более всех не повезло одному рабочему, бандитская пуля пробила ему грудь, и он умер. Одному гриденю пуля угодила в плечо. Раскаленный свинцовый шарик пробил кафтан, рубаху, вспорол на плече мясо и выскочил с другой стороны. У Матвея оказалась разорвана на голове

кожа. Ежели пуля прошла бы чуть ниже, то это был бы конец. Слава Богу, у немца не оказалось ни царапины.

Стрельцы, закаленные в подобных боях, имели при себе скрутки отбеленных тряпок и присыпки от заражения крови. Обработали плечо гриденю и голову Матвея. Уже слышались шутки, типа теперь ходить Матвею без чепца, поскольку голова и так прикрыта.

Рабочего похоронили, фамилии его никто не знал и помянули раба Божьего Георгия.

Сменщиком Матвея оказался сослуживец по приказу – подьячий Семен Раменный. Ему коротко сообщили о выполненной работе и рассказали о битве с ушкуйниками. Быть до конца откровенным, было не принято. Обоюдная подозрительность, как инерция от периода правления Ивана Васильевича, себя не изжила. Да изживет ли себя когда-нибудь, оказалось неясно. Перед расставанием Матвей поведал Семену, что немец ведет свои записи в отдельной книжице и тайно хранит их в одном из двух сундуков.

Заехать к Фоме в Углич и забрать копии из книжицы Циммермана не случилось. По пути рана начала беспокоить, появилось головокружение и позже жар. Добрались до Москвы с большим трудом. На Тверской заставе стрельцы остановили карету с ямщиком без господ и на ней лежащего Матвея привезли домой. Румянцев быстро примчался с лекарем. Матвей метался на кровати и что-то бубнил. Лекарь разбинтовал голову и увидел нагноение, промыл и прочистил рану, достал стальную иглу и клубок ниток. Сшил края раны, а снятую повязку велел сжечь. Забинтовал голову свежей тряпицей, в чеклажке с водой разболтал порошок. Почти насильно напоил раненого через носик маленького чайника.

Всю ночь Матвей лежал в бреду и потел на две смены рубах. К утру пришел в сознание и первого, кого он увидел, была дочь Степана Владимировича – Дарья.

– Вот и слава Богу, Матвей Еремеевич, к жизни возвращаетесь. А то, ишь, надумали помирать, на тот свет я вас не отпускаю. Вы мне на этом нужнее.

Матвей пролепетал какие-то слова и тут же спросил про Степана Владимировича. Дарья передала, что батюшка обещал прибыть к вечеру.

– А пока, Матвей Еремеевич, накормлю вас кашкой, потом поведаю о похождениях одного царевича в дальние края. Мне о том еще бабка сказывала.

Матвей поел и начал слушать Дарьин сказ, не заметил, как заснул. Проснулся от громкого говора Степана Владимировича. За окном то ли наступил вечер, то ли уже была ночь. Матвей попробовал встать, но попытка из-за бессилия не удалась. Он сумел только сесть на кровати.

– С возвращением, – сказал дьяк.

– А где Дарья? – вырвалось у Матвея.

Румянцев довольно улыбнулся и сообщил, что дочь его придет утром, а ночью у кровати будет дежурить один из трех гриденей.

Матвей хотел доложить о результатах своего похода, но Степан Владимирович уже опросил гриденей и имел полную осведомленность. Ему оставалось только задать несколько вопросов.

– Для чего немца в бане парил? – спросил дьяк.

– Исполнял ваше задание. Пока я парил немца, один мужик с редким даром переписал на отдельных листах все, что ученый доверил своей книжице.

– Где же переписи?

– Остались для пущей сохранности в Угличе у Фомы Ухвата, купца, который нас приютил.

– Не замечал ранее за тобой такой доверчивости.

– Не будь Фомы, я сам ничего не смог бы сделать.

– Пока записи не увижу, не поверю твоему мнению о Фоме, да и в тебе не хотел бы разочаровываться. А что за записка в воске, коею под Калязиным нашли?

– Сия записка лежит во внутреннем кармане моего кафтана. Можете пойти и достать ее. Мало ли чего, ведь я почти три дня находился в беспамятстве.

Дьяк вернулся с тем самым пергаментом и передал письмо Матвею.

– Твоя находка, ты и читай.

Матвей мог не заглядывать в пергамент. Он знал наизусть весь текст. Начал говорить медленно, устремив свои глаза в потолок. Степан Владимирович слушал внимательно, то место в письме, где указывался камень, попросил повторить еще раз.

– Богата земля наша тайнами. Порой о таком услышишь, что в голову никогда не придет.

– Не понятно, как шведы проникают к нам и путешествуют по нашим землям будто у себя дома. Насколько знаю, мы им разрешения на хождение по Волге не давали.

– Будем разбираться. И депешу их надобно проверить. Только сперва найти этот камень с куриной лапой. Коли таковое существует – одно, коли нет – чего тогда время тратить?

Хлопнула дверь, пришел гридень на ночное дежурство, поздоровался и вышел на крыльцо дабы не мешать разговору. Но Степан Владимирович сразу засобирился и уже на пороге заявил:

– Перевозить депеши в воске под видом свечей – хорошая идея. Эдак взял десятка полтора свечей, в одну письмо поместил и вези куда хочешь. Храни на самом виду.

Выздоровление Матвея началось только на шестой день. Светлое время Дарья проводила у постели раненого, кормила, поила, давала составленный лекарем порошок. Лекарь еще дважды посещал Матвея, третий раз на одиннадцатый день выдернул нитку, которая сшивала разорванные края кожи. Прощаясь, пожелал Матвею более не подставляться под пули. Однажды к вечеру во дворе появился посыльный от Степана Владимировича. С ним двое незнакомых мужиков. Матвей и Дарья сидели на крыльце и любезничали. Посыльный поздоровался и попросил Матвея спуститься к ним.

– Вот он самый настоящий Матвей Еремеевич Прозоров, – сказал посыльный, указав пальцем на хозяина.

– Чем докажешь, – впилился один из посетителей в Матвея.

– Тем, что вы наверняка от Фомы Ухвата. Привезли от него бумаги.

– Верно, а как ты догадался? – удивился тот же самый мужик.

– Видел тебя на вымоле в Угличе. Плохо, что ты меня не запомнил.

Тут вступил в разговор второй курьер:

– Тогда вот тебе пенал! В нем бумаги, о которых ты говорил. Еще хозяин велел передать на словах, что ждет тебя к себе в любое время. Зимой в селе Сухоруково, а летом в Угличе.

– Передай Фоме, что я обязательно приеду, только раны залечу. Может переночуете у меня?

– Нет, боярин, надобно вертаться. Хозяин велел туда и обратно.

– Куда на ночь глядя?

– Дело наше привычное, не бойсь.

Матвей открыл пенал, просмотрел бумаги, убедился, что те самые и с посыльным отправил пенал в приказ Румянцеву. Дарья интереса не проявила, так было заведено в их доме, к службе батюшки интереса не проявлять. А ежели станет что-либо известно, то рот на замок.

Вечером Румянцев приехал к Матвею и сразу поблагодарил его за службу.

– Вот Семен Раменный свою часть профукал! – заметил Степан Владимирович, – немца по пути в Нижний перехватил их посол и забрал все бумаги. Твоя работа единственное свидетельство об истинных намерениях немцев. По первой предварительной оценке, поиск серы лишь благовидный предлог для изучения всего, что скрыто в недрах земли вдоль Волги.

Матвей продолжил службу в Приказе в должности подьячего. Когда полностью окреп, попросил благословения у родителей Дарьи на их женитьбу. Степан Владимирович и его жена

дали согласие, но посоветовали ехать в Чернопенье за благословением батюшки жениха. Сам Еремей приехать не мог по причине болезни ног.

Подходил к концу 1590 год, принесший много непредвиденного. Обошлось без смертей ближних, каждый понимал и благодарил Господа Бога за то хорошее, что случилось в истекшем году.

Наступил 1591 год. В полдень 15 марта в Угличе ударил набатный колокол. Народ бежался со всех сторон. На земле у дворца лежало тело царевича Дмитрия. Убийца перерезал отроку горло. Над убитым вопила его мать. В отчаянии она перечисляла всех, кого считала убийцей сына. Перечисленные ею люди оказались посланцами Бориса Годунова. Народ в гнев убил и растерзал двенадцать человек. В Москву послали гонца к царю Федору Иоанновичу. В Кремле депешу перехватил Годунов и под предлогом заботы о здоровье государя доложил, что Дмитрий случайно упал на нож. Годунов создал комиссию во главе с Шуйским Василием Ивановичем. Было хорошо известно, что осторожность Шуйского бежит впереди его ненависти к роду Нагих, материнской стороне царевича. Шуйский проявил настойчивость в расследовании, семью Нагих сослал в дальние города; Марию – мать царевича, насильно постригли в монахиню, с именем Марфа. На всякий случай Шуйский многих, порой не имевших никакого отношения ко двору, приговорил к смерти. Кому-то по приговору отрезали языки; группами ссылали в Сибирь. Досталось вестнику беды углицкому набатному колоколу. По приговору его отвезли в Тобольск от греха подалее.

С депешей в Разбойный приказ из Калуги Румянцев ознакомился случайно. Местный воевода посадил в острог иноземца и трех его слуг. Бумаги при иноземце свидетельствовали, что он самый настоящий фрязин из Италии и приехал перенимать опыт крепления колоколов на церквях, изучать мастерство звонарей. Из Калуги он намеревался ехать далее, сперва в Тарусу, потом в Алексин, потом в Серпухов. Первым делом воевода запросил у фрязина чертежи, которые он хранил в большом пенале. Оказалось, что вместе с чертежами нарисована схема местности, просматриваемая с колокольни.

– Мало ли чудаков бродит по белу свету, – сказал дьяк из Разбойного приказа. Он легко избавился от бумаги, предупредив, что спрос теперь будет не с него.

Степан Владимирович вызвал к себе Матвея. Дал прочитать депешу и проследил за его реакцией.

– Мало ли чудаков бродит по свету, – сказал Матвей, точь-в-точь повторив слова уставшего от службы дьяка.

– Откуда берется такое равнодушие к тому, что проходит мимо тебя? Надобно ткнуть носом, растолковать важные места, после чего может и задумаешься!

– Прости, Степан Владимиров, но не вижу, чему в этой депеше удивляться. Не вижу, хотя прочитал ее дважды.

– Крепление колоколов придумали в Византии, потом манеру перенял Рим, а последней оказалась Москва. Чему мы можем научить фрязинов? Голова твоя садовая.

– Просто не знал о том.

– Схемы местности причем? Надо же сперва влезть на колокольню, потом успешно нарисовать лес, дорогу и прочее. С колокольни можно и другое увидеть: например, скопление воинов, лошадей.

– Так ведь воинов на чертежах нет. Об этом ничего не сказано!

– Тогда слушай далее. Двадцать лет назад под личиной фрязина явился на Москву лазутчик крымского хана, некто Ибрагим Усманов. Толковый надо сказать был лазутчик, – Румянцев прикрыл глаза будто что-то вспоминал, – в тот год крымчаки готовили поход на Москву. В семьдесят первом им удалось дойти до стен Кремля и сжечь весь посад. Потребовали от государя вернуть им казанские и крымские земли.

– Наслышан.

– Не дает покоя хану слава Золотой орды. Ведь тогда над Русью висел дамоклов меч. Они в Европу рвались, хотели весь мир на колени поставить.

– Читал о том. Но как удалось распознать во фрязине татарина?

– Тебе лучше о том батюшка поведает. Скажу только, что татарин добровольно пришел в Москву в сопровождении Еремея Прозорова. Тем твой батюшка особенную благодарность у царя заслужил. В нашем случае надобно проверить калужского фрязина, кто он такой. Поезжай завтра в Калугу и возьми с собой толмача с итальянским.

Матвей немного задумался, потом сказал:

– Обойдусь без толмача, справлюсь сам. Задание я уразумел.

Из Приказа Матвей помчался в слободу к толмачам. Нашел двоих и велел перевести следующее: «Нече время тратить, никто не знает, где фрязин находится. Утром казнить, и дело в сторону». Подробно записал русскими буквами эти предложения и по дороге домой стал учить фразы так, чтобы мог произнести их скороговоркой, не задумываясь и не вспоминая.

На дорогу в Калугу ушло два дня. Город расположился на берегу большой реки, дома срублены из дерева, видны каменные храмы. Из Приказной избы воеводы Матвея повезли в острог к задержанному. В допросную ввели красивого парня высокого роста, широкого в плечах и с лучезарной улыбкой. От него пахло незнакомым ароматом.

– Ты мой знаватель? Меня зовут Джованни. Можно просто Ваня. Тебя как звать?

Матвей взгляделся в пленного и понял, что если бы не напутствия, то он и минуты не потратил бы на проверку личности этого парня. Даже глухой мог понять, что перед ним самый настоящий иноземец. Не все слова выговаривает, некоторые коверкает.

– Меня зовут Матвей. Уразумел?

Пленный кивнул. Тогда Матвей задал вопрос об его слугах: где он их нашел, и кто они такие.

– Они откликаются на Сашку, Мишку и Даньку. Я их нанял еще в Смоленске. Не веришь? Спроси сам.

Можно было не проверять сказанное. Матвей посмотрел на слуг и все понял.

– Чего тебе дались наши колокола? У вас своих навалом.

– Динь-динь это красиво. У нас звонят плохо. У вас колокола вешают по-особому.

– В чем особенность? Вешают у нас по-разному, – Матвей сделал паузу и посмотрел на иноземца, тот даже бровью не повел, – бывает кольцо железное подгоняют, бывает на обычной верви.

– Тут важно рассчитать расстояние от свода, – фрязин вытянул пальцы и сложил их в кольцо. Другой рукой показал на низ воображаемого колокола.

– Вот обод, он должен отстоять от стены на определенное расстояние. Тогда звук собирается воедино и пролетает в прорези колокольни. Еще умеете правильно звонить в маленькие и большие колокола, как это называется «сочетать».

Матвей уже посчитал потерянным временем два дня езды до Калуги и еще столько же при возвращении. Уж эти окраинные воеводы, ни в чем толком не разберутся, сразу шлют курьера в Москву, да еще со срочным донесением.

– Зачем схемы рисовал? Чертежи понятно, а местность тут причем?

– Отражение, – сказал фрязин и опять выставил ладонь с вытянутыми пальцами и упер их в другую ладонь, – звук, как вода, может менять направление, может отталкиваться.

– Куда уж нам, вы там в Европах грамотные, а мы смотрим на вас и учимся.

– Я же приехал перенимать ваше мастерство. Вы многое умеете. Вы очень добрые и очень приветливые.

– Еще скажи доверчивые.

– Да, да, – подтвердил фрязин.

Матвей вышел в сени и подозвал стражника. Велел тому присутствовать на допросе и, когда он услышит непонятную тарабарщину, должен сказать «понял». Вернулись в допросную вдвоем, и Матвей первым делом спросил знают ли в Италии, какие города на Руси будет посещать Джованни.

– Так примерно, туда – сюда. Мы расстаемся? Я ухожу? Мне очень нравится наша беседа, жаль, что не можем выпить вина!

Матвей улыбнулся и скороговоркой произнес выученную фразу на итальянском языке. Стражник буркнул «понял». Матвей повторил ту же фразу, но медленно, почти нараспев. Опять прозвучало «понял».

– Знаешь, что я сказал? Не знаешь?

Матвей повторил то же самое по-русски. Улыбка сошла с лица фрязина. Он посмотрел на стражника и спросил:

– За что? Я же ничего не сделал?

– Какой же ты фрязин, ежели родного языка не знаешь? То же мне, Ваня. Поди уж хватит Ваньку валять, Джованни.

Оказалось, что иноземец чисто разговаривает по-русски, но признаваться ни в чем не стал. Матвей решил не настаивать и стал прощаться с задержанным. У того что-то внутри сломалось, и он заявил:

– Вези меня в Москву. Знаю очень важные сведения. Твое положение низкое, чтобы говорить на эту важную тему.

– Моего положения в достатке, чтобы тебе завтра отрубили голову. Положим, повезу тебя в Москву, а там ты скажешь, что пошутил. Тогда голову будут рубить мне.

– Я подданный крымского хана, Джамиль Карган. Газы Гирей собрал громадное войско и этим летом нападет на Русь. Как только трава поднимется, чтобы наши лошади не голодали, так и зайдут с юга.

– Сколько таких как ты к нам послали?

– Еще двоих. Собираемся в Алексине 30 июня.

– Кто они такие?

– Вези в Москву.

Глава пятая

Вернулись в Москву все вместе. Пленника доставили в острог, и Матвей помчался в Приказ. После доклада дьяк принял решение, что будет лично вести допросы задержанного. Через три дня вызвал к себе Матвея.

– Когда Дарье рожать? – спросил, не глядя в глаза.

– По всему в декабре положено.

– Бери ее и вези в Чернопенье. Похоже в Москве скоро станет жарко.

– Как же служба, чай у нас не частная лавочка?

– Оставь перевод того письма шведа Амадея Лунгрена. Начальным доложу будто послал тебя искать камень с отпечатком куриной лапы. Ты уж не подведи, загляни в Углич.

– Неужели затевается большая бойня?

– Не задавай вопросов, делай, что говорю!

– При таком раскладе нам бы с Дарьей вашу жену, ее матушку, с собой взять. Пускай там поживут. Батюшка будет рад и нам тут спокойнее.

– Все имеет свойство повторяться. Помнится, подобное уже случалось. Вечером загляну к вам домой и сообщу. Ты сегодня подбери купеческий обоз хотя бы до Ярославля. Купцов много передвигается в ту сторону. Охрану дать не могу. Сразу сообразят о какой куриной лапе идет речь.

Приезд младшего боярина с женой и тещей всполошил Чернопенье. Забегали люди, захлопали двери, закудахтали куры. Еремея внесли в гостевую на стульчике. Барбара распорядилась накрывать на стол. Жизнь закипела.

– Кабы не ноги, бегал бы от радости, хвост задрал. А так сию как истукан из языческих времен. Вы уж простите старика.

– Будет, батюшка, в твои годы ты совсем молодец. Учил меня, что главное в жизни – голова, а головы у нас с тобой на плечах, да еще в полном порядке.

Выдумывать ничего не пришлось. Молодым отвели ту же светелку, в которой рос Матвей. А мать Дарьи, Прасковью Филипповну, поселили в комнате Александра. Тут же зашел разговор о нем, но Еремей и Барбара в один голос перенесли на «после, после».

Когда отец с сыном остались вдвоем, Еремей спросил про реальные причины их появления в Чернопенье. Матвей подробно рассказал о Джамиле Каргане, о полученных от него сведениях, об опасениях Румянцева в связи с решением дать основную битву возле стен Москвы.

– Степан Владимирович сказывал будто к отражению татарского нашествия в 1572 году ты приложил свои усилия, даже велел у тебя спросить о том.

Еремей поведал про крымский поход в команде семи своих молодцов. В повествовании отвел каждому свое место и помянул добрыми словами.

– Виноватым до сих пор себя ощущаю и не могу простить ту сложившуюся безысходность. Видать каждая победа имеет свою цену.

– Такова наша доля. Вон на Русь со всех сторон прут. Не дает им покоя наша сторонущка. Мы как бы между двумя мирами: Западом и Востоком, между молотом и наковальней. Но уверен, с Божьей помощью одолеем и тех, и других.

– По душе мне твой расклад. Не зря Людмила Матвеевна жизнь свою отдала. Дед Брюханов тоже свой камушек в тебя заложил.

– Что случилось с Александром? Показалось, будто вы с Барбарой осведомлены. Говорить о нем при всех не желаете.

– Упустил я Александра, когда тот еще в мальчиках бегал. Барбара тоже помогла своей придумкой будто дед Александра польский дворянин. Все вместе сложилось в его бегство.

Ладно бы из Чернопеня, так он из страны убог. Пошел искать свои дворянские корни. Не забыл при этом выгрести все маманины накопления.

– Получается, обокрал мать свою?

– Взял все до последней крупинки золота.

– Дошел до Польши ли? Может сгинул где, к ватаге какой прибился?

– Посыльный был у Барбары, записку принес на польском. Я то не знал, а то курьера наизнанку вывернул бы. Мне после о том Фотий сказал, потом Барбаре дознание учинил. Ей-то радостно, что сын жив, а что сотворить может, она о том не думает.

– Что в той записке значилось?

– Она не показала, а я не стал настаивать.

– Долго с тобой пребывать не смогу, дело мне поручил Румянцев, по-другому не вышло бы жену и тещу сопроводить. Еду в Углич, а домашних на тебя оставляю, не взыщи!

– Бог с тобой, Матвей, мне их житие тут в радость. О том даже не беспокойся. Когда назад тебя ждать?

– Все от Москвы зависит. Ты шли в Кострому на вымол за новостями людей. Поди уж скоро начнется.

Многотысячную армию крымского хана Газы Гирей первыми увидели головы окраинных земель Руси. Отправили в Москву курьеров. 2 июля крымчаки переправились через Оку между Серпуховым и Каширой. Двинулись на Москву. 4 июля Газы Гирей поставил свой шатер в селе Котлы и в этот же день двинул силы на Москву. Русское войско под командованием боярина князя Мстиславского Федора Ивановича и конюшенного боярина Годунова Бориса Федоровича сосредоточили у границ города. Соорудили полевые укрепления по принципу «гуляй города». Дворянская конница встала на пути татарского наступления и, раззадорив врага, отступила. Силы татар подставились под ружейно-пушечный обстрел. Бой продолжался с переменным успехом до заката солнца. В ночь на 6 июля наша конница напала на татарский лагерь близ села Коломенское. Газы Гирей понял, что без тайных проходов он проиграл и начал отступать. В районе Серпухова крымчаков настигли русские воины и стали уничтожать, гнали до Тулы. В одном из боев хан Газы Гирей был ранен, два его племянника Сафа Гирей и Бахти Гирей тоже получили ранения. Из них двоих Сафа Гирей вскорости умер. Татары потеряли обоз, все свое имущество и бежали восвояси под постоянным огнем русских воинов. 2 августа Газы Гирей вернулся в Бахчисарай и от его армии осталась всего одна треть.

Победа всегда слепит глаза, что касается ошибок, то многое хочется забыть и, как правило, забывается. Румянцев – человек холодного ума, прекрасно понимал, что победу опять одержали в полном напряжении сил. Взяли не умением, а количеством.

Хан Газы Гирей прислал русскому царю письмо, в котором желал дружить и выражал готовность выйти из-под османской опеки, сдвинуть свои полки до Днепра и развернуть боевой порядок для войны с турками. Похоже хану удалось усыпить бдительность царя и иже с ним всего двора. Вскоре войско под водительством Калги Гирей опять вторглось на территорию Руси и ограбило окраины Тульской и Рязанской земли.

Румянцев читал покаянное письмо Газы Гирей и был уверен, что оно пронизано лицемерием от начала до конца. Но он даже предположить не мог, что уважающий себя правитель способен таким манером обеспечить проход на русские земли, чтобы возместить ущерб от провалившейся кампании.

Фома был далек от событий, происходивших дальше границ своих владений. Ему доставало проблем внутри своей вотчины. Наладить выделку кожи по новому предписанию, заказать ладью собственной конструкции, проявить заботу о жене своей Лукерье, которая должна родить к концу года. Появление Матвея вызвало в нем бурную и искреннюю радость. Он уже и думать забыл про их проделки с немцем. Выходит, дружба продолжается и новые интересные

дела не за горами. Со времени их последней встречи Фома сумел поставить большой дом с окнами на Волгу, жениться на Лукерье и перевезти ее из Рогозово в Углич.

Матвей удивился сам и удивил Фому сообщением о своей женитьбе. По сути в один и тот же день. Не сговариваясь, парни шли параллельным путем, будто копировали друг друга.

Когда дошло до дела, Фома разочарованно хмыкнул, дескать, что тут интересного отыскать камень с отметиной. Тем более прописано, где он лежит. В лес пошли на другой день с самого утра, с собой взяли одного проводника и двух помощников. Мало ли что? Сначала предстояло отыскать часовню Николая Чудотворца, которая в письме Лунгрена обозначалась маленькой церковью Святого Николая. Проводник Анисим указал в сторону Алексеевского монастыря. Дошли и оглядели все в округе, не нашли никакой часовни. Спросили у монаха, тот слышал, но никогда не был в той часовне. Тут спохватился Серафим, помощник. Вспомнил свою бабушку и как она водила его на поклон к преподобному Николаю. Церквушка точно была маленькая, вмещала не более четырех человек. Пришлось напрягать Серафима. Он сперва вспомнил, где жила его бабушка и привел всех к берегу Волги в район северной стороны. Поспросили местных жителей и только один указал в сторону громадной березы. Потолкались вокруг этого дерева, и тут закричал другой помощник, Порфирий:

– Да, вон же она, часовня-то!

Действительно, в сотне шагов угадывался силуэт полуразрушенного строения. Куполок упал, а четыре стены вросли в землю. Обошли вокруг этих руин и стали обсуждать следующую указку.

– Так тут лес кругом! От остова ни одной тропинки не идет, – сказал начинающий терять терпение Фома.

– Погодь, боярин, – Анисим приложил ладонь ко лбу, будто сделал козырек и стал рассматривать окружающий лес.

– Сдается мне, что до любого леса тут гораздо меньше одной версты. Только вон в том месте ели и сосны отступают, образуя заводи.

Ничего не оставалось делать, как идти в единственно возможном направлении. Уже никто не верил в существование таинственного камня, и уж тем более в отпечаток куриной лапы. Каждый получил свой диаметр, и хождения напоминали многослойный хоровод. Камень нашел Анисим. Тот почти весь врос в землю, оставив между порослью высоченной травы верхнюю часть... с изображением куриной лапы. На радостях устроили привал, поели, попили. Кабы не забористая медовуха, то все вернулись бы с победой, и Матвей мог бы со спокойной душой возвращаться в Москву. Но выиграла молодецкая кровь и решили проверить следующее расстояние, указанное в письме шведа. Матвей продекларировал:

– Встань спиной к среднему когтю на лапе и иди, куда указывает коготь до глубокого оврага.

В нужную позу встал самый азартный Фома. Остальные молча смотрели на него и потом пошли гуськом. Действительно уперлись в глубокий овраг.

– Все верно, Фома, пойдём назад, – предложил Матвей.

– Солнце еще высоко. Что там еще прописано далее?

– Продолжай путь по оврагу, и он упрется в реку, – как по писанному произнес Матвей.

– В какую сторону идти? Овраг он и туда, и сюда скачет?

– Там не сказано.

– Тогда, давай, пойдём в эту сторону. Ежели скоро не выйдем к реке, вернемся домой.

А так чего, зря шли что ли?

Фома спустился на дно оврага и выбрал сторону. Народ потянулся за ним след. Через половину версты овраг действительно уперся в ручей. Назвать рекою тот «бурный поток» можно было человеку с большой фантазией.

– Дальше чего там? – повернулся Фома к Матвею.

– Чего уж теперь вертаться, пойдем до конца! – загалдели мужики.
– Дальше опять непонятка, «поверни в сторону и иди по берегу, пока не увидишь болото».

– Мне сегодня везет! – прокричал Фома и добавил, – айда за мной!

Он пошел в левую сторону и привел команду к болоту.

– Тебе, боярин, будто кто ворожит! – сказал Порфирий.

– Подобную отгадку вижу в первый раз, – добавил Анисим и заключил, – обычно лес путает, леший кружит.

Когда все сгрудились перед болотом, казалось, встали на край пропасти. Вода образовывала лужицы, утыканные кочками. Из кочек торчали невиданные доселе травы, кое-где возвышались сухие деревья высотой в два человеческих роста. Дуновения ветра приносили такую вонищу, что у всех начинала кружиться голова и подступала тошнота. Впечатление добавляли мошки и комары. Вечные спутники человека сразу почувствовали добычу и без всякого писка бросились сосать кровь. Все ждали команду Фомы на возврат. Вдруг слева в шагах десяти послышался шорох, из зарослей рогоза показалась волчья морда. Все оторопели, но первым пришел в себя Фома. Он произнес никому непонятные слова:

– Как там мой крестничек поживает? Поди уже в настоящего волка превратился?

Зверюга вылез из зарослей и встал к путникам задом. Потом повернул свою морду как тогда при спасении щенка. Фома повернулся к Матвею и прошептал:

– Волчица зовет меня с собой. Такое уже бывало. Ты остаешься?

– Пойду с тобой. А вот остальных давай оставим. Нече людей губить непонятно для чего.

Все повторилось как много лет назад. Волчица шла впереди, замачивая только коготки, показывая путь почти по сухому. Но в этот раз шла медленно, видимо понимала, что болото для человека – не лесная поляна. Квакали и прыгали лягушки, плавали змеи, перемещалась еще какая-то тварь. Вверх взмывали чибисы и кулики, цапли только поворачивали свои головы и не меняли места стоянки. Шли петляя, порой казалось возвращаются назад. Пузыри, вырывающиеся из-под воды, одаривали такой вонищей, что становилось нечем дышать. Волчица упорно вела за собой, порой останавливалась, оглядывалась и продолжала движение. Ноги уже не держали. Фома стал удивляться Матвею, как этот горожанин еще выдерживает. Страсть, хотелось присесть, а лучше прилечь куда-нибудь, но разум не давал права даже на попытку. Неожиданно волчица сделала прыжок и исчезла в кустарнике. Фома как бы устремился за ней, но вдруг почувствовал под ногами твердую почву.

– Дошли! – вырвалось у него при выдохе, и он взглянул на Матвея.

Тот пытался улыбаться, но тут же схватился за стоявшее рядом сухое дерево и начал оседать. Фома не дал упасть другу, подхватил его под мышки и выволок на землю. По сравнению с болотным чадом на земле пахло земляникой и полевыми цветами. Вдыхаешь такой воздух полной грудью, будто пьешь нектар. Сколько времени друзья пролежали, распластавшись на траве, никто из них сказать не мог. Первым тишину нарушил Матвей:

– Как мы назад пойдем? Думаешь твоя волчица ждет наших сборов в обратный путь?

– Пойду похожу вдоль болота, может объявится. Без нее обратного хода все одно, не существует.

– Даже, если наши сопроводы поднимут тревогу, сюда никто дойти не сподобится.

Фома встал и пошел сначала в одну сторону по края берега, потом в другую. Вернулся и прилег рядом с Матвеем.

– Можешь утопить меня в Волге, но за нами наблюдают.

– Кто тут может быть? Может волчица твоя оборотень? Заманила и рада, что едой запаслась.

– За нами наблюдает не оборотень, а человек в лахмотьях. Мелькнул между деревьев и исчез. Потом еще раз и еще.

- Ежели не волчица, то может видение. Дурманом надышались в волю.
- Даже и не знаю. Думаю, по любому надобно идти вглубь и глядеть, что там дальше.
- Может грибы или ягоды. Жрать охото. Мясо добыть теперь нечем.

Шли недолго, увидели родник. Вокруг ключа были искусно выложены камни и стояла глиняная крынка. На сосуде имелся диковинный орнамент, нанесенный яркими красками. Напились водицы и стали рассуждать. Кто мог привести в такой порядок источник с водой? Как смогли крынку сюда донести? Где взяли яркие краски? Как всегда, ожидание гибели или сплошных неудобств сменились надеждой. Уж если не возвращение домой, то хотя бы поест в волю и почувствовать себя в спокойствии. Фома завертел головой и схватил за рукав Матвея:

- Смотри, смотри, вон там за деревьями.
- Не вижу, но теперь тебе верю. Скорее всего тут живут люди.

Фома развернулся к деревьям и прокричал:

- Выходи, не бойся! Мы без оружия! У нас даже ножа нет!

Но стояла тишина, никто не вышел и не отозвался. Фома и Матвей пошли дальше. Кончился лес и их взгляду открылся частокол из толстых бревен.

- Фома, вижу ворота, давай постучимся в них.

Стучаться не пришлось, чуть ткнули в ворота рукой, и они сами отворились. Дальше шла накатанная телегой дорога.

Глава шестая

Дорога от ворот привела Фому и Матвея к православному храму. Церковь стояла на взгорке, имела один купол. Ни колокола, ни колокольни. Подошли ближе и услышали дивное пение. Поднялись по ступеням и присоединились к молящимся. Это были православные люди. Перед взором предстал громадный иконостас, священник в рясе и с большим крестом на груди. Между алтарем и входом в храм пестрели женские платки, раскачивались мужские головы. Когда началось целование креста, Фома и Матвей вышли наружу. Неизвестно как к ним, непрошенным гостям, отнесется священник и вся паства. Выходящий народ тарашился на незнакомых мужиков и смотрины продолжались до появления на ступенях высокого крепкого мужика лет пятидесяти. Его борода была длинной и седой, брови насупленные, но глаза добрые.

– Я здешний воевода Александр Васильевич. О вас мне уже донесли. Идемте со мной, – Александр Васильевич подвел гостей к одноэтажному терему, открыл дверь и пропустил гостей вперед.

В сенях стояли молодые ребята одного роста и примерно одного возраста. В избе, где кроме стола и скамеек ничего не было, гостей усадили с одной стороны, с другой напротив сел воевода. В избу вошли еще несколько человек чем-то похожие друг на друга и сели по обе руки от воеводы.

– Знаю, пришли из города. Ты, – сказал воевода, указав на Фому, – купеческие человек, в Углич пришел недавно, второе хозяйство завел, в жены взял Лукерью, дочь Домиана. Правильно?

– Все верно, Александр Васильевич.

– Ты из самой Москвы, – указал воевода на Матвея, – про тебя ничего не известно. Про отца твоего слышал. Его зовут Еремей?

– Верно, Александр Васильевич.

– Железный мужик. Жив ли?

– Жив, ноги подвели, ходить трудно.

– Жаль Еремея! А чего сюда пожаловали, чего ищите здесь?

Матвей поведал про тайное письмо шведа Лунгрена, про описание пути к острову, про золото, которое хранится в избытке.

– Как по болоту дорогу нашли? – спросил боярин, сидящий по правую руку.

Фома поведал про волчицу и получил неожиданную отгадку поведения зверя.

– Похоже на наших волков. Избаловал их народ. Особенно зимой полный прокорм и дают.

Другой боярин с левой стороны добавил:

– Собак не держим. Лай раздается далеко. А волки добрые, своих и чужих различают. Петухов тоже не держим. Для порядка есть парочка, но они безголосые. Придет пора издохнут, где таких же возьмем, ума не приложу.

– Потому и колокольни у церкви нет и колокола тоже? – задал вопрос Фома.

– Верно подметил, – сказал воевода.

Стали подавать еду. Тарели и чугушки ставили сразу на доски стола, так в старину было заведено. А тут еще может испытывали трудности со скатертями. В боярских домах вошли в моду расписные с цветами, ягодами. Дымилась каша, излучающая необыкновенный аромат, лежали куски мяса, нарезанный гороховый кисель, пареная репа.

Фома и Матвей, посмотрев на еду, вспомнили о своих людях, оставленных на берегу.

– У нас там трое остались, начнут беспокоиться, еще людей назовут.

– Анисим, Серафим и Порфирий? Эти трое? – спросил воевода.

У гостей отвисла челюсть и оба, не сговариваясь дружно закивали головами.

– Не бойтесь, они живы-здоровы. Их отвели в сторожку там же на берегу. Накормили и уложили спать.

Знания сидевших за столом островитян о жизни на Руси удивила не меньше, чем появление волчицы, в частности о нашествии хана Газы Гирея, про убийство царевича Дмитрия, про участие Бориса Годунова в дознании. Именно по Годунову они задали больше всего вопросов. Фома лишь уточнил, что сестра Бориса Ирина за мужем за царем Федором Иоанновичем. А жена Годунова, дочь блаженной памяти Григория Лукьяновича, то есть Малюты Скуратова.

По кругу пошла братина с медовухой, и каждый питок произносил что-либо по случаю появления неожиданных гостей.

– Пусть наше знакомство не принесет никому зла! – сказал воевода.

Матвей заявил:

– В наших головах и сердцах одно пожелание, чтобы враг никогда не пришел на ваш остров.

Присутствующие ели с удовольствием, разговоры вели откровенно без подвохов и намеков.

– Поди не дождетесь, когда отправлю вас домой? Сразу скажу, что вы для меня здесь обуза. Что интересно и так скажу, но сперва дайте честное слово, что никому про нас болтать не станете. Клятвы и побожения ваши мне без надобности. Коли вы люди нечестные, так через любую договоренность обет нарушите.

– Даю честное слово, – сказал Матвей, – никому и никогда не буду рассказывать про свое пребывание на острове...

– Княжич, – подсказал один из бояр, – на острове Княжич.

– В народе это место зовут «Манушкина Избушка», – встрял Фома.

– И так тоже называют. Потому, как манит, к себе заманивает и звучит, как предупреждение, – заключил воевода.

После Матвея свое честное слово сказал Фома и разговор продолжился.

– Домой отправлю завтра по утру. Ваши помощники еще в сторожке спать будут. Разбудите и что-нибудь объясните про свое плутание по лесу.

– Александр Васильевич, коли мой интерес ни к месту, сразу признаю свою виноватость и забираю свои слова назад.

– Поди интересуется с чего тут все началось? И какой уклад жизни? – перебил воевода.

Матвей виновато кивнул, подтвердив свой интерес. Похоже Александр Васильевич первый раз в жизни стал воспроизводить весь порядок событий, о чем-то задумываясь, получал от своих подсказки.

Великий князь Москвы Иван III заступил на престол по завещанию своего отца Василия Темного. По глазам вижу, из летописей знаете про его ослепление. Сыновей у Темного было пятеро. Ивана я уже назвал. Еще Юрий, Андрей Большой, Борис, Андрей Малый. Углицким князем стал Андрей Большой. По душе сердобольный и богобоязненный, по уму высокий. Он каменное строительство развернул, книги начал множить, жалел сирот, щадил простых людей. Как раз тут Новгороду свободы не хватило, качнулся он к Литве, да к Польше. А коли так, туда свою веру латинскую стали продвигать. С Новгородом разобрались, а с уделами внутри страны Иван III стал поступать жестко. Замахнулся он и на брата своего Андрея Большого. Наш князь высказал свое негодование, тогда все прошло и утихло. Но через десять лет, на дворе был 1491 год, призвал Иван III брата своего и всю его семью в Москву, вроде как держать совет. Андрей Большой почувал неладное и предупредил своего друга, моего деда. Дед собрал скарб, что мог унести, погрузил семью и друзей позвал с собой. Двинули они в лес. Как нашли тропу в болотах, как вышли на остров, одному Богу известно. Но не напрасно побросали свои дома. После того, как князя Андрея и всех его сыновей заковали в железо, пошли в Угличе

дознания. Без всякого приговора рубили головы, резали языки, ссылали. Иногда люди просто исчезали без следа. Место, куда вышел дед, уже тогда называли «Манушкина Избушка».

Начали обживаться, первым возвели храм, потом дозорный терем. По первости в нем все и уютись. Зато другие дома ставили без спешки, понимали, что на века. Верховодил дед, потом его старший сын, а теперь вот я при власти. Устав у нас один, но вам он не нужен, у вас там свои законы.

– Народ жизнью доволен? Как пропитание себе добывает? – спросил Фома.

– У каждой семьи свой надел. Добровольно, сколько посчитает нужным приносит в общий амбар. Случись чего, он оттуда возьмет сколько потребно. По уставу разрешено иметь лошадей, коз, кур, уток, поросят.

– Топоры, пилы, лопаты нынче дороги, – продолжал одолевать вопросами Матвей.

– На то деньги зарабатываем. Обрабатываем шкуры зайца, лисы, соболя. Специально обученные ребята, у нас их трое, один из них завтра до земли вас проводит, набивают мешки товаром и несут на рынок в город или на вымол. Получают деньги и исполняют заказы. Не токмо топоры, пилы лопаты, еще покупают обушку, материю, бумагу, чернила. Может какая особенная потребность возникнет, так и ее исполнят.

– Зимой не мерзнете? – не унимался Фома.

– У каждого в дому печь. Делаем кирпич без обжига. На острове есть и песок, и глина.

– А соль? – похоже Фома уже начал раздражать присутствующих.

– Вырыли глубокую яму деды наши. До сих пор жижу черпаем, выпариваем ее, соль темная, но не ядовитая.

Фома хотел еще о чем-то спросить, но Александр Васильевич приказал всем расходиться. Гостей отвели в теремной флигель.

Только забрезжил рассвет, в дверь постучали. Молодой парень показал место для умывания, выдал два полотенца и сопроводил в избу, где давеча трапезничали. За столом сидел воевода и выжидательно смотрел на гостей. Те пожелали здравия и опустились на лавки. На столе пироги, творог и квас. Во время еды в избу вошел еще один парень рослый и крепкий.

– Зовут вашего провожатого Никита. Желая вам добра и коли что важное и срочное, на шест у вымола Фомы повесьте тряпицу, – воевода попрощался и вышел из избы.

Дорога в обратную сторону показалась намного короче. Правда ноги порой уходили в воду по самые колени. Когда шли за волчицей, так вода до щиколоток не доходила. Однако на берег вышли в том месте, откуда заходили с волчицей. Никита уверенно шел по лесной тропинке, когда остановился, то сообщил, что за поворотом они увидят сторожку, в ней спят их люди. Никита попрощался и пошел восвояси.

Анисим, Порфирий и Серафим спали молодецким сном. Кто из них храпел сильнее остальных, угадать оказалось сложно. Они будто переговаривались. Фома приступил к побудке, но растолкать удалось только Серафима. Тот непонимающе обвел глазами потолок сторожки, перевернулся на другой бок и тут же захрапел.

– Чем они их опили? – возмутился Фома, – прикажешь ждать, когда они очнутся?

– Может попробуем облить их водой? Слышал такое помогает.

Матвей взял крынку и зачерпнул из кадки воды. Сперва опорожнил сосуд на Анисима. Тот облизнул свои губы и зачмокал ими будто младенец в ожидании титьки. Вторая крынка заставила Анисима открыть глаза. Он поморгал ими и резко сел на лежаке.

– Мы уж думали, вам хана!

– Как вы тут оказались? – спросил Фома.

– К нам подошел дедушка, такой маленький, тихий, беззащитный. Предложил нам еды и отдых в домике. Мы не сговариваясь пошли за ним след в след. Поели каши, попили воды и нас сморило.

– Буди остальных! – приказал Фома.

Анисим тряс за плечи своих поделщиков, а Матвей поливал их водой. Ребята пришли в себя, но каждый никак не мог понять, где он находится.

По пути назад Серафим осмелел и поинтересовался, куда пропали хозяева.

– Заплутали немного. Но к вечеру вернулись на старое место, а потом нашли сторожку.

– Нашли путь на остров? – не унимался Серафим, – вроде вас волчица повела.

– Только мы шагнули в заросли, как она сразу исчезла, будто оборотень какой!

– Дедушка тоже нам чем-то ту волчицу напомнил, – влез в разговор Порфирий, – слышал, что оборотни даже в птицу рядиться могут.

– По любому, надо от этих мест держаться по далее. Мне во сне старухи привиделись. Будто ходят вокруг меня и песни поют.

– Точно, колдовство какое-то, – согласился со всеми Порфирий.

– Живы и, слава Богу! – заключил Фома.

Домашние в Угличе уже били тревогу. Из Рогозова прискакал Домиан. Лукерья стояла перед иконой на коленях и молилась. Дворовые ходили на цыпочках, будто кто-то уже помер. Лукерья, завершив общение с Богом, подошла к батюшке и запричитала:

– Говорила ему, не вяжись с Московскими, одна беда от них! Они все крученые и хитроумные, так нет, как увидел Фома Матвея, забегал, засуетился, будто сам государь в гости пожаловал.

– Будет тебе, Лушка, напраслину возводить! Матвей парень серьезный, в дела государевы посвящен. Время то сейчас какое сложное, обязательно надо в столице знатцев иметь.

Как только Фома объявился на пороге, Лукерья бросилась к нему и стала трогать его лицо своими руками. Видать, не верила в счастье, думала видение какое. Потом начала искать ранения, осматривать одежду, засовывать пальцы в рваные места кафтана.

При первой возможности Фома спросил у Матвея про то, намерен ли он московским начальникам докладывать о Княжиче?

– Зря спрашиваешь! Могу на тебя обидеться! Я ведь слово дал!

– Может тогда и про камень умолчишь? Мы же его нашли случайно. Кабы не мой помощник, так и вернулись бы ни с чем.

– Кабы не твоя медовуха, сидел бы я уже дома или в Приказе. Конечно, и про камень ничего и никому не скажу.

– Ты настоящий друг, – сказал Фома.

– Ты тоже, – вторил ему Матвей.

Москва жила своей жизнью. Казалось, про Матвея все забыли, по крайней мере о нем никто не вспомнил за последние несколько месяцев отсутствия. Газы Гирей подступил к Москве и был нещадно бит, усыпил бдительность двора и вторично сходил на Русь с захватом полона и добра. Меры дознания по убийству царевича Дмитрия переместились в Москву.

Единственно, кто был рад возвращению Матвея, так это его тесть. Степан Владимирович обнял зятя и поинтересовался поисками камня. Про семью не задал ни одного вопроса. Матвей догадался, что батюшка нашел возможность и известил о благополучном устройстве в Чернопень. Про камень Матвей соврал, чем успокоил тестя, и тот к этой теме более не возвращался. По службе скопилось много бумаг, которые требовали прочтения и ответа. Но у Матвея из головы не выходил остров Княжич и его люди. По сути он и его друг Фома – обладатели великой тайны про устройство благополучной жизни вдали от людей.

Вечером по обыкновению в гости зашел Степан Владимирович. Видимо хотелось откровенной беседы про дела, более подробных новостей про жену и дочь. Так думал Матвей, но он ошибся.

Тесть принес штоф крепкого напитка и намекнул, что разговор будет серьезный, не для посторонних ушей.

– Государь Федор Иоаннович совсем отошел от дел и стал еще более плох здоровьем. Он и до того не сильно радел за дела, а теперь и подавно.

– Не секрет, что за спиной государя всегда маячит тень Годунова. Помнишь тот случай, при венчании Федора Иоанновича на царство? Не выдержал государь долгой службы, чуть в падучей не свалился, ослабевшей рукой символ власти передал Годунову. Мне один раз про этот случай рассказали, и я до сих пор его помню.

– Ты никогда не задумывался, как простой боярин оказался рядом с будущим царем?

– Все просто. Его родная сестра Ирина уже была венчана на Федоре, была его законной женой.

– А как она стала женой? – не унимался тесть.

– Не знаю, для меня и того объяснения в достатке.

– Ирина красивая, образованная девушка справедливо могла надеяться на партию с молодцом во всех отношениях. Федор с детства болезненный. Кроме молитвы, других интересов в жизни не испытывал.

– Получается ее насильно в жены отдали?

– Брат и сестра Годуновы, Ирина и Борис, рано осиротели, заботу о них проявил дядя Дмитрий Иванович, приближенный к царю Ивану IV. Именно ему племянники обязаны волепозволением жить в Кремле за государев счет. Борис сообразительностью сильно отличался от боярских отроков. В восемнадцать лет получил должность постельничего взамен предыдущего, казненного за провинность. Борис быстро освоился и ему понравилось быть у царских ножек. Свел дружбу с наследником трона Иоанном Иоанновичем и познакомил его с Елизаветой Сабуровой. Девушка была достойной претенденткой на трон царицы. Оценил это и сам государь, но девка оказалась строптивой и царя к себе не допустила. Жестоко поплатилась за это, ее насильно постригли в монахини. Борис считал себя ответственным за судьбу Сабуровой, хотел, как лучше, а в итоге сломал ей судьбу. Своим негодованием поделился с лучшим другом, таким же боярином. Грозный прознал, и Борис из постельничий оказался в пыточной.

– Ирина вступилась и пообещала Федору выйти за него, ежели тот спасет брата?

– Не трудно догадаться! Наш разговор о неприязни боярами Годунова, как родственника царя и претендента на престол. По сути наследников по линии Рюриковичей не осталось.

– Твоя сторона какая, Степан Владимирович?

– Понимаю и тех, и других. Бояре считают Годунова выскочкой, без рода, без племени. Годунов хочет увековечить себя правителем добрым и великим. Но ежели о деле, то я на стороне Годунова. Благодаря его стараниям развернули на Руси градостроительство, подготовку собственных мастеров, в Кремле водопровод построили. Годунов понимает значение деятельности Посольского приказа, повысил ставки, добавил высоких должностей, особо проявившимся дарует дворянские звания. Школе при Приказе дает деньги, обучение толмачей налажил.

– Делаем, что должно и будет, что будет. Плетью обуха не перешибешь!

– Поделился с тобой и легче на душе стало. Ну, что там у наших? Как батюшка себя чувствует?

– И супруга ваша, и жена моя в полной заботе о них со стороны ближних. Живут в полном спокойствии, войны и замятни туда не доходят. Только Дарье дорога назад пока не потребна. В ее положении лучше не рисковать, пусть уж в Чернопенье рожает.

– Мне тоже спокойней, ежели они живут у твоего батюшки. Мы тут как-нибудь сами управимся.

– Все-таки в Приказе чей верх будет?

– Кто кого пересилит. Ты сам прежде, чем волю кого-то исполнять, подходи ко мне, посоветуемся, подумаем.

– Кто мне, кроме вас, может поручение дать?

– В том то и дело в моду вошло, кто во что горазд. Порой такая сумятица творится, диву даешься.

– Дело к зиме, жизнь как правило замирает, послов меньше, и мы особо никуда не стремимся.

Глава седьмая

На Руси давно укоренилась житейская мудрость – сын во многом повторяет отца своего. Может быть не всякий раз, но применительно к Матвею такое случилось.

Тайный лазутчик Степана Владимировича вернулся из польских земель, где пребывал в качестве учителя английского языка долгих четыре года. Он добыл сведения о подготовке поляками наследника царского престола под личиной спасшегося царевича Дмитрия. Лазутчик приложил невероятные усилия и узнал, что в личину рядится беглец русич из Костромского края. Узнал, что мать его полька, а отец, непонятных кровей, сгинул еще до рождения сына. Степан Владимирович сразу уловил два признака: выходец из Костромского края и мать полька. Все сошлось на Александре, который убежал в Польшу искать своих родственников-дворян.

Подобные сведения стоили лазутчику укрепившегося положения в обществе, его заподозрили в повышенном интересе к тайнам, и он был вынужден бежать домой.

Окончательно опознать претендента на царский трон мог только один человек – Матвей, знавший Александра, сына Барбары и Яруло с самого детства.

Степан Владимирович принял сведения и отложил докладную в ящик.

Дарья родила 28 декабря мальчика. Роды прошли без осложнений. Вес, рост малыша, состояние матери порадовали близких. Матвей в день получения известий сбегал к столяру, заказал детскую кроватку, купил мягкой материи, добыл через знакомого купца два маленьких одеяла, шерстяное и пуховое. Но пока дела в Приказе не отпускали его мчаться в Чернопенье.

Степан Владимирович прекрасно понимал настрой зятя, он и сам готов был все бросить и рвануть туда, где находятся его жена, дочь и внук. За текущими делами прошла зима и уже в окно стучалось весеннее тепло. Неожиданно для Матвея появилась оказия. Зять смиренно сидел в палате дьяка и внимал новое задание.

– К 1580 году Иоанн Васильевич понял, что войну с Польшей и Швецией проиграл. Война на две стороны изнурила Московию, утомила народ. Царь принял решение заключить мирный договор с Польшей. Предложение о мире Стефан Баторий не заметил. Царь обратился к Папе Римскому. В Москву прибыл легат Папы Антоний Поссевин, ловкий и умный переговорщик. На первом же приеме стал говорить о делах веры. Государь обозначил свою позицию так: сначала заключение мира, а там и о вере будем говорить. При участии Папской стороны в январе 1588 года мирный договор с Польшей заключили на десять лет. Через год такой же договор заключили со Швецией на три года.

– В чем суть вопроса, Степан Владимирович? – нетерпеливо спросил Матвей.

– Антоний после заключения договоров опять явился в Москву. Он уже настаивал, да так настаивал, что терпение Иоанна Васильевича кончилось. Вспылил царь, и Антоний от его гневных слов аж в три погибели согнулся. Потом все-таки извинился, но веру православную сохранил.

– Уже не в первый раз переманивают нас под крыло Рима.

– Днями пришла депеша, что в Костроме в Ипатьевском монастыре объявился монах. Начал проповеди читать на манер католиков. Там сперва уши развесили, потом хватились и курьера на Москву послали.

Степан Владимирович в разговоре сделал упор на слово «в Костроме». Вопросительно посмотрел на Матвея и тот кивнул, дескать все понял.

– Про таких доброхотов с проповедями уже донесли из Пскова, Новгорода, Смоленска. Похоже опять лезут со своим уставом.

– Когда ехать?

– Завтра и езжай. Только без гриденей, – Степан Владимирович снова посмотрел в глаза зятя, – не спеши, разберись во всем, сам не лезь, дела тут церковные, надобно аккуратно. Коли все подтвердится, доложи воеводе. Он сам знает через кого того монаха можно приструнить. Сам не теряйся. Как только сей доброхот выйдет из лона церкви, ты прижми его так, чтобы он все выложил аки на духу.

Дьяк взял лист бумаги и стал писать. Матвей через голову увидел его обращение к жене. Писал недолго, потом сложил бумагу в пенал и отдал Матвею.

– Вручишь по назначению.

Матвей не стал искать попутный купеческий обоз. Он решил ехать к Фоме. Во-первых, давно не виделись, потом хотелось поделиться радостью и в последнюю очередь найти охранников для сопровождения в Кострому.

До Сухоруково Матвей доскакал быстро, по светлому времени, даже с большим остатком. Село ему напомнило детство. Он любил играть в разноцветные деревянные домики, сделанные дедом Брюхановым. В Сухоруково тоже царила красота, чистота и порядок. Даже дым, который струился из труб, казался узорчатым и необыкновенного цвета. Терем хозяина угадывался по частоколу из толстых бревен и ровному во всех отношениях. Сам частокол и все, что за ним находилось дышало достатком, чувствовалась крепкая хозяйская рука.

Одинокий всадник сразу привлек внимание сельчан. Два здоровенных лба преградили путь к воротам. Вежливо поинтересовались, кто таков и зачем пожаловал. Матвей спрыгнул с лошади и уже хотел было объясниться, но увидел выходящего на улицу Фому.

– Ко мне дорогой гость пожаловал! Здрав будь, Матвей! Глазам своим не верю!

Друзья обнялись и пошли в дом. Там уже бегали слуги, накрывали на стол, ставили на улице самовар. Первым делом Матвей поделился своей радостью, но тут же получил ответку. У Фомы в конце декабря тоже родился сын.

– Ты своего уже назвал? – спросил хозяин, – моего окрестили Тихоном.

– А я вот еду на смотрины и крестить будем, имя выберем все вместе.

– Назови Семеном, я хотел своего так назвать, но Лукерья не дала. Остров наш вспоминаешь?

– Почитай каждый день, память покоя не дает. Раза два снился. Правда, без всяких действий, просто лес, болото, терем, воевода.

– Я тоже вспоминаю. Может летом наведаемся? Повешу тряпицу на шест и дождемся okazji. Гостинцев принесем, ну там топоры, пилы.

– Можно и пищали купить, порох, дробь в придачу для охоты.

– Тоже не лишнее.

Потом Матвей без утайки сообщил о сути задания по Костроме, о том, что само задание как бы оправдание его отлучки на службе.

– Так тебе охрана требуется до Чернопенья, да и в Кострому тоже сопроводить надобно.

– Хорошо бы сопроводить до Чернопенья, а там батюшка поможет.

– Неизвестно какие у него люди, а у меня проверенные, надежные и не дураки. Я бы сам с тобой рванул, да Лукерья завоет, еще молоко пропадет.

Друзья долго сидели за столом, строили планы на лето, мечтали какими вырастут дети. Фома делился своими идеями по строительству речных судов.

Парней, которых определил Фома, звали Петр и Лука. Одинаковые по возрасту, но в остальном являлись противоположностями. Один вертлявый, беспокойный, будто по нему муха ползает; другой тихий и не прошибаемый, таких людей удивить невозможно, у них на любое чудо ответ один «занятно». В седлах оба сидели уверенно, было заметно, что верховая езда знакома им еще с детства. Оба неприхотливые, когда скажет Матвей, тогда и передохнут и потрапезничают. А так ни словом, ни намеком не беспокоят.

Ближние Матвея, похоже, ждать его устали. Горячее желание свидеться переродилось в тупое забвение, тем более любви и заботы вокруг было в достатке. Оторопь в начале встречи прошла быстро, победила реальность-общение с живым человеком. Главным действующим лицом для всех присутствующих конечно являлся новорожденный.

– Уже и не знали, когда тебя ждать, и окрестили сыночка. Дали ему имя Семен. Твой батюшка был тоже не против.

После этих слов Матвей поверил в существующую между ним и Фомой невидимую связь. Матвей знал, что такое бывает, но до конца в это не верил.

Еремей поседел, прибавилось морщин, но присутствие духа ему не изменило. Вел себя бодро, живо интересовался новостями, еще конкретными государственными личностями. Матвей не удивился, когда пошли вопросы батюшки про Годунова. Слух о претенденте на царский трон дошел до Чернопенья.

– В Костроме уже нашлись земляки Борис Федоровича, – начал Еремей, – сказывают, что прародители будущего царя – выходцы из костромских помещиков. Еще судачат, что в нем татарская кровь. При Иване Калите на Руси осел Чет Мурза – прапрадед Годунова.

– Зато дома у него, сказывают, любовь и забота друг о друге. Дети славные, дочь Ксения и сын Федор, образованные и воспитанные. Жену зовут Мария и она дочь Малюты Скуратова.

– Мои молодцы, царствие им небесное, служили в опричном войске. Вспоминали дочерей Малюты Скуратова и говорили о них только хорошее. Знатные девки по красоте, духу и воспитанию. Искал Малюта среди своих подопечных надежных людей для женитьбы на дочерях. Выбор свой остановил на Василие Шуйском и Борисе Годунове. За первого выдал старшую дочь, младшую за второго.

– Думаю, батюшка, бояре не пустят его к трону. Они безродных не любят. А уж коли допустят, то потом станут изводить.

Поговорили о сроках возвращения в Москву тещи, жены Матвея и маленького Семена. Ранние сроки Еремеем были не по душе. Он считал, нужно дождаться летнего тепла, а то весенние ветры могут простудить младенца.

Вспомнили Фотия. Должность управляющего перешла к старшему сыну, сам Фотий менее года назад помер. В Михальцево поменяли старосту, прежний стал немощным, со своим хозяйством еле управляется. Новый хваткий, все пожелания ловит налету.

Поинтересовался Еремей сопровождающими. Матвей поведал, что ребята из ближнего круга верного друга, который живет недалеко от Москвы. Зовут его Фома и еще у него земли в Угличе, пытается заняться перевозкой грузов на речных судах. Матвей подробно рассказал, как они с Фомой парили немца в бане. Еремей сначала высказал восхищение смекалкой, а потом от души долго смеялся.

Пять дней в Чернопенье пролетели незаметно. Казалось, все проблемы остались где-то там далеко. Так не хотелось покидать родные места и семью. Семен всегда, когда видел Матвея, улыбался беззубым ртом. От этого у отца внутри все клокотало от счастья.

Сначала Матвею показалось, что Семен по лицу вылитый дед Брюханов. Потом, когда пригляделся, понял, что сын похож на самого Румянцева. Когда разрешили подержать мальчика, Матвей уже не сомневался, Семен уродился в Прасковью Филипповну.

Как водится, в путь отправились с самого утра. Матвей ехал первым, Петр и Лука за ним. Перевоз на другой берег Волги пришлось ждать, поскольку речники еще не пробудились с открытием ранней навигации. Монастырь расположился на стыке Волги и реки Костромы. Первым на подходе к обители встретили монаха. Начали знакомиться и беседовать. Монах назвался Сергием и поведал многое из прошлого обители.

– В 1330 году из Орды на Москву ехал мурза Чет. По дороге сильно заболел и нашел в этом месте исцеление. В первую ночь приснился ему святой мученик Ипатий Гангерский. Мурза добрался до Москвы и принял православие.

– Не он ли основал род Годунова? – спросил Матвей.

– Истинно так, боярин. Так ведь и вся земля костромская принадлежит Годуновым.

– Кажут среди вашей братии остановился новый монах? Проповедует необычные истины?

– Сдается, он не знаком со священно писанием. Нашел дураков, теперь его ничем не выпрешь. Некоторые люди за него горой стоят.

– Зовут его как?

– Имя у него необычное – Кáлина.

– Он сам себя так назвал?

– Откуда мне знать. А вам чего от него нужно?

– Хотим послушать его проповеди.

– И вы туда же? Чудной наш народ. Сказывают, из-за Урала приходят его послушать.

– Чем же он народ привлек?

– Для начала разрешил проповеди слушать сидя. Может кто чурбачок пользоваться, а может прямо на полу. Ну ладно, идите своей дорогой Калину слушать.

До Матвея сразу дошло, что самозванец никакой не Калина, а самый настоящий Калин с ударением на первом слоге, скорее всего литовец.

От монастыря поехали к воеводе. Самого не застали, говорили с его приближенным по имени Нил Афанасьевич.

– Ой, братцы, – сокрушался боярин управы на того Калину нет. Одни жалуются, другие защищают. Попробовали урезонить, так с ним целая толпа пришла в Приказную избу.

– Ежели так дальше пойдет, монастырь могут закрыть. Вы этого ждете?

– Приедет воевода, посоветуемся.

– Помогите нам найти ночлег.

– Такое решается у нас в один миг.

На пороге появился служка, сопроводил гостей в отдельный дом, потом привез два узла с едой и кувшин с питием. Петр вместо еды предложил вечернюю службу отстоять в храме монастыря. Матвей его поддержал. Молящихся в церковь набилось много. Служба шла по чину, и священник, убеленный сединой красивый дядька, вел службу так, что Матвей и его спутники забыли о своих мирских делах. Когда пел хор мужских голосов, по телу бегали мурашки. Служба завершилась, и большая часть прихожан заторопилась на выход. Малая часть осталась и чего-то ждала. В боковую дверь вошел монах. «Калина, Калина» – пронеслось в толпе. Матвей попытался рассмотреть самозванца. Сразу в глаза бросилась безбородость и маленькие глазки, опущенные вниз уголки рта, губы тонкие будто кто-то на лице сделал прорезь.

Его проповедь напоминала бред, в котором смешались церковные ценности и все земные радости. Вошли два монаха и хотели вытащить Калину наружу, но толпа загудела. Блюстители порядка ушли. Матвей кивнул своим спутникам, и они тоже вышли из храма наружу. Подошли к монахам, которые только что хотели выдворить самозванца из храма, и спросили:

– Неужели у настоятеля управы на этого болтуна не достанет?

– Проморгали. Пока чухались, он уже паствой оброс. Теперь монастырский устав не позволяет гнать его.

Вернулись в отведенную для постоя избу, сели трапезничать. Говорить на тему монаха смысла никакого не было. В своем бессилье расписались духовные и мирские власти.

– Сходим завтра на совет к воеводе и поглядим.

На совете у воеводы просидели до полудня. Собрали приказных из Разбойного, Поместного, Пушкарного приказов, был игумен монастыря, бояре. Говорили, спорили, но так ничего не решили. Лука потом подметил, что растерянности среди присутствующих не обнаружилось, царило нежелание что-либо предпринимать. Петр согласился с ним и назвал увиденное – хронической ленью. В конце совета решили собраться еще раз на следующий день.

Матвей велел своим помощникам к вечеру подогнать к берегу у монастыря весельную лодку без гребца, приготовить вервию и большой мешок.

– Попробуем своими силами избавить Кострому от нечисти, – поделился Матвей целью всех приготовлений, – после проповеди подойду к Калине и приглашу его на беседу за воротами монастыря. Коли выйдет, отведу подальше и подам сигнал. Тогда вяжите его и в лодку. На другом берегу учиним ему допрос.

– Коли не поведется на твои уговоры и никуда не пойдет?

– Тогда полезем в келью, спеленаем его и вынесем.

– Шум поднимется, – с один голос сказали Петр и Лука.

– Про келью я конечно пошутил, но коли не получится будем думать по-другому. Пока имеется хитрая придумка.

После проповеди Калину окружила толпа. Так вместе с ней он и вышел наружу. Матвей улучил момент, подошел поближе и наклонил голову за благословением. Когда Калина вложил свою руку в сложенные ладони Матвея, тот по-польски прошептал:

– Калин, жду тебя за воротами у реки.

На удивление монах наклонился и шепотом сказал по-польски:

– Где вас носило? Обещали к празднику, а сейчас и срок весь вышел.

За ворота монастыря монах вышел уже затемно. Матвей выскочил из-за кустов и хотел предложить монаху пойти к воде. Тот уставил свои мелкие глазки и запросил сказать обусловленные слова для опознания друг друга. Матвей тарасился на него, не знал, что ответить. Тот продолжал по-польски:

– Ты должен задать мне вопрос, я должен тебе ответить. Спрашивай, чего молчишь?

Вдруг монах развернулся и стал звать на помощь. Петр моментально лишил его сознания ударом кулака по голове. Лука начал вязать монаху руки, ноги, в рот засунули кляп, не сговариваясь, понесли его в лодку.

Отчалили от берега и Матвей побрызгал на монаха водой. Тот пришел в себя и замычал, пытаясь выплюнуть кляп. Лука вынул тряпицу изо рта, но держал ее наготове.

– Ты кто таков и откуда пришел? – спросил Матвей.

– Тебе лучше не знать. Кто хотел узнать, тот уже не живой.

В разговор вмешался Петр:

– Посередине Волги, ох, какая глубина. Привяжем якорь от лодки к ногам и пойдешь рыб кормить. Говори, о чем спрашивают!

Калина молчал, уставил глаза в небо, на его скулах играли желваки.

– Ну, коли так, прощай, – сказал Петр и привязал мешок с песком, который у лодки служит якорем, к ногам пленника.

Неожиданно для всех монах перегнулся через борт и скрылся под водой. Петр прыгнул за ним, но не достал. Груз быстро потащил того ко дну. Все оторопели. Первым в себя пришел Матвей:

– Конечно не здорово, но мы избавили Кострому от нечисти. Похоже он ждал подельника, но теперь уже не узнаем ничего. Лодку верните к причалу, идем в избу на отдых, а утром двигаем на совещание к воеводе.

Утром в Приказной избе все началось по второму разу. Когда свою гневную речь произносил один из бояр, в избу ворвался служка и с порога закричал:

– Калина исчез!

– Как это исчез? – прозвучали вопросы со всех сторон.

– Утром на службу не вышел, в трапезной не появился, вскрыли келью, а она пустая, все вокруг монастыря осмотрели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.